

Ждут ли мир глобальные перемены?

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев

История экономических кризисов показывает, что каждый из них был связан с важнейшими характеристиками Мир-Системы. Но некоторые наиболее сильные кризисы существенно меняли контуры и главные линии связей в ней. По-видимому, и современный глобальный финансово-экономический кризис будет способствовать началу процесса крупных изменений в структуре и функционировании Мир-Системы, а также в принципах международных отношений в ближайшие десятилетия. Анализу влияния мировых финансовых потоков, не только отрицательным, но также их важным положительным функциям, включая обеспечение социальных гарантий в мировых масштабах возможных трансформаций в связи с кризисом, посвящена первая часть нашей статьи.

Во второй части мы рассмотрим такие проблемы, как вероятность появления лидера в будущей Мир-Системе, возможность возникновения дефицита глобального управления и фрагментации мира, а также направления трансформации национального суверенитета. В целом эта часть посвящена вероятности осуществления тех или иных сценариев развития Мир-Системы в ближайшие десятилетия.

Часть 1. МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА: ЗА И ПРОТИВ

Глобальный кризис, на время отрезвивший тех, кто уверовал в возможность бескризисного развития, то как будто затихает, то вплотную надвигается, грозя новой кризисной волной. Так, во второй половине 2011 г. произошло серьезное падение индексов. Периодически надуваются и лопаются «пузыри» на рынках продовольствия и сырья (см., например: Акаев, Садовничий, Коротаев 2010; 2011; Акаев, Коротаев, Фомин 2011; 2012; Akaev *et al.* 2011; Akaev, Fomin, Korotayev 2011; Grinin 2011; 2012). Пока кажется, что мировая экономика в целом из фазы рецессии/спада перешла в фазу депрессии, но конец 2011 г. показал, что надежды на переход к фазе оживления пока не оправдываются.

Любые размышления о природе и причинах глобального кризиса неизбежно ведут к выводу о том, что многие его причины лежат в особенностях новых финансовых технологий. Далее в этом разделе мы рассмотрим, что представляют собой эти технологии, в чем их негативная и позитивная роль.

1. О новых финансовых технологиях

Новые финансовые технологии, изменения в законодательстве и конкуренция за капитал

После отмены привязки доллара к золоту в начале 1970-х гг. в финансовой системе развитых стран произошли большие изменения. Можно даже вести речь о **финансовой революции**, которая, по мнению некоторых исследователей, началась после кризиса 1974–1975 гг. и завершилась в некоторых финансовых сферах в начале 1990-х гг. (см. также: Гринин 2009в; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010а; 2011). Общие направления этой «революции» заключались в отказе государств от прямого контроля над

Универсальная и глобальная история 635–671

банками, в том числе над их процентной и кредитной политикой; либерализации банковского регулирования, в частности в отмене запретов на открытие банками отдельных видов счетов, на совмещение ими различных видов деятельности (операции с недвижимостью, страховой и инвестиционный бизнес) и целом ряде других ограничений. Это привело к тому, что специализированные банки стали терять свои позиции, в то время как возросла роль универсальных банков, совмещающих кредитные и биржевые функции, в частности работающих на рынках ценных бумаг, а также обслуживающих валютные и другие операции. Заметим, что такая универсализация помимо плюсов имела и много минусов, в частности повышение доли рискованных операций в активах банков и уменьшение профессионализма менеджеров (что неизбежно при универсальности). Произошла либерализация для иностранных эмитентов национальных режимов в отношении движения долгосрочных капиталов на национальные рынки капиталов. К середине 1990-х гг. практически все ограничения в области этого движения были сняты. Рост объемов передвижения капитала был фантастическим. Если в 1979 г., по данным Банка международных расчетов, объем операций на мировом рынке капиталов составил около 80 млрд долларов, то через 10 лет, в 1989 г., он был уже в 9 раз больше – примерно 718 млрд долларов, а еще через 10 лет, в 1999 г., вырос более чем в два раза, достигнув 1,5 трлн долларов (Доронин 2003: 114). Нет ничего удивительного, что это привело к резкому повышению зависимости национальных рынков от международного капитала, что и выразилось в ряде кризисов. Центральные банки многих стран были выведены из подчинения правительства и стали независимыми институтами.

В результате этих изменений произошли очень серьезные структурные и экономические трансформации, в частности резко возросла роль фондового рынка, а банки стали утрачивать свою роль главных финансовых посредников. В целом такие изменения способствовали резкому ускорению финансовой и экономической глобализации, подъему экономики во многих странах. Однако этот подъем в значительной степени был обеспечен спекулятивным ростом фондов. Всего за 10 лет (с 1990 г. по март 2000 г.) капитализация мирового фондового рынка выросла почти в четыре раза – с 9,3 трлн долларов до 35 трлн долларов (Там же: 121).

Латентный период финансовых изобретений. Стоит указать, что между изобретением и глобальным эффектом применения финансовых технологий (инструментов, продуктов) проходит иногда довольно большой срок (так же, как и между изобретением и широким внедрением промышленных или бытовых технологий, продуктов). В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. Развитие рынка еврооблигаций долгое время тормозилось из-за отсутствия эффективного вторичного рынка. Эмиссия облигаций в бумажной форме затрудняла их обращение и денежные расчеты. Прорывом в формировании вторичного рынка было создание американским «Морган Гаранти Траст К^о» системы «евроклик». Суть ее состояла в создании системы депозитариев в разных странах для хранения ценных бумаг, а владельцам ценных бумаг выдавались свидетельства о вкладе и владении ими. В результате операции по купле-продаже еврооблигаций перестали требовать физического перемещения бумаг, а сводились лишь к передаче сертификатов; смена собственников бумаг отражалась в записях по депонентским счетам депозитариев. Создание системы «евроклик» в 1968 г. стало революцией на рынке облигаций. Однако масштабные последствия такой революции проявились далеко не сразу. В 1975 г. объем операций на рынке еврооблигаций составлял 10 млрд долларов, в 1984 г. – 82 млрд, а в 1997 г. – 570 млрд (Там же: 107). Таким образом, только через 30 лет эффект внедрения новой финансовой технологии проявился на рынке еврооблигаций в крупном масштабе (хотя, конечно, депозитарные рас-

писки очень широко применяются на самых разных финансовых площадках). Соответственно масштабы некоторых нововведений последнего десятилетия могут оказаться в дальнейшем еще более крупными, чем они выглядят сегодня.

Принципы и особенности новых финансовых технологий. В любом случае эти уже широко внедренные или только внедряемые финансовые технологии основаны на возросших возможностях концентрации капиталов и управления чужими средствами путем получения прав на покупку/продажу гигантских активов за 2–3 % их стоимости; на многоуровневых перестраховках рисков; на ускоренной, почти конвейерной выдаче кредитов и усиливающейся деперсонификации капиталов, вращающихся на международных рынках, и т. д. (о некоторых из таких способов далее будет сказано более подробно)¹. Все эти технологии оказались гигантски усиленными информационно-компьютерными инновациями, что позволило, в частности, применять компьютерные программы для расчета игры на бирже и участвовать в торгах в режиме реального времени, находясь в любом месте мира. Такой симбиоз придал финансовым операциям невиданный масштаб, в результате чего фактически произошел или усилился отрыв этих финансовых технологий от реального сектора.

Важнейшей особенностью новых финансовых технологий является возможность получения незначительной прибыли с каждой операции, но объемы операций возрастают колоссально. В результате общая прибыль становится очень большой (см., например: Кэлахан 2005). Новые технологии также позволяют работать сразу на многих рынках в самых разных странах, используя различия в национальных условиях. Например, в последнее десятилетие очень сильно вырос рынок *carry trade*, насчитывающий объемы в несколько триллионов долларов. Суть сделок *carry trade* – игра на разнице процентных ставок в разных странах. Если в США или Японии ставка рефинансирования составляет, например, 0,5–1 %, а в Великобритании или Испании – 5 %, то разница в 4–4,5 % годовых для тех, кто имеет возможность получать кредиты в США и Японии, а размещать полученные деньги в Великобритании и Испании, составит огромные суммы. Эти и подобные им технологии увеличивают объемы финансовых операций во много раз, что, с одной стороны, дает возможность получать прибыли там, где раньше это было невозможно, но с другой – может создавать очень сильные турбулентные потоки и состояние неустойчивости.

Изменения в законодательстве и борьба за капитал. Усиление финансовой составляющей кризисов привело к существенным изменениям в законодательстве о биржах, банках и т. п. С одной стороны, продолжается процесс либерализации законодательства, во многом под влиянием конкуренции бирж и банков различных стран за ресурсы (см. об этом ниже), а с другой – каждый кризис вносит свои коррективы в регулирование. Но, конечно, не только кризисы стимулируют активность по регулированию национального фондового рынка. В 90-х гг. проблема регулирования возникла в связи со структурными изменениями – появлением электронных коммуникационных систем, альтернативных торговых площадок, акционированием фондовых бирж и другими изменениями. Эти изменения требовали, по мнению некоторых аналитиков, отхода от практики мелочной корректировки правил торговли и сосредоточения на решении проблем полного и точного раскрытия механизма работы бирж и соответствия их работы установленным правилам и требованиям; на проведении независимых расследований и пресечении различных форм мошенничества и махинаций на рынке ценных бумаг; на поддержании открытых и конкурентных рынков (Доронин 2003: 130). В целом это верно, и в данном направлении были продвижения,

¹ Под финансовой деятельностью мы имеем в виду сложный симбиоз биржевых, банковских, кредитных, страховых и других видов бизнеса.

но все же удалось гораздо дальше продвинуться в плане либерализации правил торговли (если не на одной бирже, то на другой), чем в плане решения вопроса о полном раскрытии источников финансирования многих фондов и пр. В результате в период кризиса 2008 г. было осознано, что прозрачность многих финансовых инструментов и деятельности многих фондов оставляет желать лучшего, а надежность рейтингов рейтинговых компаний оказалась поставленной под большое сомнение (см., например: Кудрин 2009).

Разумеется, после нынешнего кризиса, скорее всего, будут сделаны новые существенные изменения в регулировании работы финансовых рынков.

В то же время следует отметить, что мировой финансовый капитал не только активно ищет более прибыльные рынки для вложения инвестиций, но очень сильно влияет на соревнование между странами в области либерализации условий для его деятельности. С одной стороны, тут есть несомненная польза, но с другой – очень велика опасность возникновения «пузырей» и крахов. Даже наименее реагирующие на то, что делают в области законодательства другие, США вынуждены обращать внимание на реакцию капитала, тем более что в последнее время очень сильно зависят от импорта капитала. Например, в 1999 г. в США был принят закон о модернизации финансовых услуг, который отменил действовавший более 60 лет закон Гласса – Стигалла, принятый во время Великой депрессии в 1933 г. и ограничивающий проникновение банков, инвестиционных фирм и страховых компаний на смежные рынки, то есть на биржу и т. п. (см.: Суэтин 2009: 41). В качестве аргумента в пользу введения закона о модернизации финансовых услуг звучали заявления о том, что американские кредитные учреждения уступают иностранным конкурентам – особенно европейским и японским «универсальным банкам», на которые ограничения не распространялись (Гринспен 2009: 200). После кризиса интернет-компаний в 2002 г. в США вынуждены были принять закон Сарбейнса – Оксли, который ужесточил регулирование фондового рынка США. Он, в частности, вводил новые требования для первичного размещения акций (так называемые *IPO*), поскольку именно новые компании наиболее неизвестны и рискованны для вложений. Однако это привело к тому, что число размещений акций на биржах США снизилось. А рынки Европы и Азии стали более привлекательны для капитала (Мусихина 2008: 33).

О масштабах спекулятивного капитала

Развитие различных новых или модернизированных финансовых рынков, связанных с усовершенствованными финансовыми производными инструментами, генерирует поистине астрономические объемы вовлеченных в движение капиталов (см., например: Смирнов 2008). Неудивительно, что постоянно растущие масштабы спекулятивных капиталов уже много лет тревожат наиболее трезво мыслящих экономистов, которые справедливо считают, что нельзя позволять спекулятивному капиталу и колебаниям валютных курсов определять судьбу реальной экономики (см., например: Капра 2004: 167; см. также: Сорос 1999²). Такую зависимость вполне подтвердили финансовые кризисы в разных странах в течение последних десятилетий, когда «горячий» международный капитал вызывал их буквально за несколько часов. Подобное влияние спекулятивного капитала вполне объяснимо. Например, в мире насчитывается несколько тысяч так называемых хедж-фондов, которые выработали технологии, уменьшающие возможные неблагоприятные последствия рискованных финансовых операций, позволяющие минимизировать или компенсировать возможные потери³.

² Сорос как аналитик вполне определенно высказывается за ограничения спекуляций, но резонно заявляет, что в качестве финансиста он должен играть по тем правилам, которые есть в настоящий момент.

³ Под хеджированием в практике фондовых рынков подразумевается страхование от неблагоприятного изменения курсов средствами фондового рынка. Поскольку хеджирование – это своеобразное страхование,

Главное направление их действий – рискованные (но высокодоходные) спекулятивные операции на различных фондах, биржах и рынках⁴. По оценке МВФ, на начало XXI в. только 5–6 крупнейших таких фондов могли мобилизовать на некоторый срок до 1 трлн долларов (Ломакин 2005: 175; Мазурова 2000: 26), начать атаки на отдельные национальные валюты и даже обвалить их⁵. К началу современного кризиса возможности таких фондов существенно возросли. Тут, впрочем, нет ничего удивительного. Собственные капиталы таких фондов могут быть очень малы, но благодаря кредитам и новым финансовым технологиям они способны аккумулировать гигантские суммы⁶. Общий объем индустрии хедж-фондов оценивается в 1,7 трлн долларов (Лаврентьев 2008). Однако более важно, что хотя капитал хедж-фондов бледнеет при сопоставлении с объемом капитала других институциональных инвесторов, который превышает 20 трлн долларов только в развитых странах (Хедж-фонды... 2007; см. также: Смирнов 2008), баснословные прибыли хедж-фондов и им подобных спекулятивных финансовых организаций втягивали в гонку рискованных операций все новые и новые солидные финансовые организации, включая крупнейшие банки и страховые компании. Авторы исследования, проведенного МВФ, признают, что, с одной стороны, инвестиционные и финансовые техники хедж-фондов необычайно разнообразны, а с другой – прочие индивидуальные и институциональные инвесторы вовлечены во многие формы активности, которые используются хедж-фондами (Хедж-фонды... 2007). В результате спекулятивная и, главное, крайне рискованная лихорадка охватывает всю финансовую систему мира. А объемы различных финансовых рынков поражают. Так, например, рынок деривативов по объемам «вмененного» долга обязательств составлял незадолго до кризиса более 60 трлн долларов (см.: Смирнов 2008: 25)⁷. И этот рынок все меньше связан с объемами исходных долгов. Таким образом, производные финансовые инструменты растут, отрываясь от своей основы (реальных долгов и кредитов), примерно так же, как росли объемы бумажных банкнот и банковских креди-

тели, которые ставятся перед этими операциями, также сродни целям страхования: то есть при этом не ставится задача добиться крупного выигрыша, а главным мотивом выступает страхование от катастрофических потерь. Как в случае с обычным страхованием за ограничение риска выплачивается страховая взнос (премия), так и при хеджировании лицо, совершающее операцию, выплачивает премию. Конечно, при этом не исключается вероятность того, что инвестор получит определенную прибыль от тех операций, которые он хеджирует с помощью опционов. Но главная цель покупки опциона все же заключается именно в страховании (хеджировании). Тип операции хеджирования зависит от фондовой операции, которая страхуется (Драчев 1992: 120). Таким образом, сама по себе операция хеджирования, то есть страхования рисков, вполне рациональная и оправданная, и может быть очень эффективной. Неудивительно, что она стала столь распространенной. Проблема в том, что такого рода фонды, надеясь на страхование-хеджирование, теряют всякую осторожность и ведут себя очень агрессивно.

⁴ Но какие бы изощренные способы страхования рисков ни старались придумать, крах и банкротство части таких фондов через некоторое время неизбежны, а это вызывает цепную реакцию разорений, банкротств, падения стоимости активов у других. Опасность непредсказуемого и негативного влияния этих фондов на общую ситуацию резко усиливается тем, что они размещают свои паи путем закрытой подписки, а круг их клиентов ограничивается состоятельными лицами и финансовыми институтами, что освобождает эти фонды от большей части требований о раскрытии информации и регуляторных ограничений, распространяющихся на деятельность взаимных фондов и банков (Хедж-фонды... 2007).

⁵ К подобного рода финансовым формам относилась и организация, возглавляемая Дж. Соросом, ее деятельность описана им достаточно подробно (Сорос 1999).

⁶ Приводим данные в отношении одного такого фонда, *LTCM*, который пришлось спасти в 1998 г. На 23 сентября 1998 г. собственный капитал *LTCM* (чистая стоимость активов) оценивался в 600 млн долларов, а находящиеся на его балансе позиции превышали 100 млрд долларов (то есть превосходили собственный капитал в 167 раз). Зато этот фонд в предыдущие годы мог обеспечить своим клиентам ежегодную прибыль в 33 % (Хедж-фонды... 2007).

⁷ Их объемы по другим показателям, например по номинальной стоимости базовых активов, существенно выше, они колебались уже в начале века в интервале 85–125 трлн долларов (см., например: Кобяков, Хазин 2003). Однако оценки общего размера мирового рынка деривативов имеют во многом приблизительный характер.

тов в некоторых странах в XIX–XX вв. при формально существующем золотом стандарте. Золото только номинально лежало в основе их циркуляции, а фактически их количество подчинялось уже совсем иным факторам. Пока существовало доверие, деньги такого рода оказывались вполне пригодными, но при малейшей панике они обесценивались и становились причиной финансовых и экономических кризисов. Тогда-то и выяснялось, как много их было эмитировано.

Вот почему одна из самых серьезных угроз для международной финансовой стабильности исходит от рынка так называемых производных инструментов (то есть созданных, эмитированных на основе каких-то первичных ценных бумаг, например векселей, залоговых, кредитных обязательств и т. п.)⁸. Если традиционные ценные бумаги (акции и облигации) часто называют бумажным, или фиктивным капиталом, то производные ценные бумаги (деривативы) представляют собой фиктивный, капитал второго порядка. Как известно, деривативы (фьючерсы, опционы, валютные и процентные свопы, варранты, опционы на фьючерсы и др.) являются финансовыми контрактами, дающими право (обязательство) купить (продать) определенное количество базового актива (например, акций, облигаций, нефти и т. п.) в течение оговоренного срока по заранее установленной цене. Общий размер мирового рынка деривативов, как указывалось выше, составляет многие десятки триллионов долларов (Смирнов 2008; Рубцов 2011). Но их стоимость, а также возможность получения с их помощью дохода непосредственно зависят от движения цен на другие финансовые инструменты или товарные активы. Фьючерсы, опционы, фьючерсы на опционы, свопы, варранты и многие другие деривативы стали существенно подавлять ценообразование на материальные ресурсы в мире (см., например: Кобяков, Хазин 2003). С другой стороны, колебания базовых параметров отражаются на стоимости деривативных активов с огромным резонансом.

На сырьевых рынках цены также уже давно определяются не путем баланса спроса и предложения, а ценами на фьючерсы, торгуемое количество которых во много раз превосходит общее количество ресурсов во всем мире (применительно к нефти см., например: Подколзина 2009). Таким образом, не приходится удивляться гигантским колебаниям цен на нефть и другие сырьевые ресурсы, поскольку они давно отошлись от реальной ситуации⁹.

Биржевые активы всегда, по сути, являются титулом (то есть правом, выражением) стоимости значительной части национальных и мировых богатств. Так называемая капитализация активов (например, акций) теоретически обозначает совокупную сумму дохода, который они могли бы принести владельцам за много (иногда десятки) лет¹⁰. Поэтому не приходится удивляться, что суммы, вращающиеся на биржах, в финансовых учреждениях, просто астрономические, они и должны быть во много раз больше ежегодного валового дохода. Так, например, активы ипотечных фондов составляли

⁸ Производные финансовые инструменты были названы известным финансистом У. Баффетом «финансовым оружием массового поражения» (Credit Default Swap. *Wikipedia*. URL: www.en.wikipedia.org).

⁹ Цена, по которой осуществляется львиная доля поставок нефти и нефтепродуктов в мире, определяется в ходе биржевых торгов на трех крупнейших мировых площадках, расположенных в Нью-Йорке, Лондоне и Сингапуре. При этом торговля реальной нефтью по оборотам не достигает и 5 % от всех заключаемых с ней сделок. Остальные 95 % – это торговля финансовыми инструментами (фьючерсными контрактами, опционами и другими производными), привязанными к нефти (Блант 2008: 222).

¹⁰ В 1990-е гг. соотношение капитализации (то есть стоимости акций) и ВВП в мире изменилось с 23 %:100 % до 118 %:100 %. Это говорит о масштабах финансовой революции. В условиях кризиса доткомов эта пропорция снизилась, а потом вновь выросла до уровня 1999 г. В начале современного кризиса она также снизилась, но оставалась вдвое выше, чем в 1980 г. (см.: Рубцов 2011: 84). Если учесть, что акции постоянно покупаются и продаются в течение года, то объем капитала, постоянно крутящегося на биржах, многократно превышает объем мирового ВВП.

12 трлн долларов. Столь большая цифра, однако, не покажется непомерной, поскольку она равняется стоимости всего нескольких миллионов домов (при цене, скажем, от 100 до 200 тыс. долларов). Опасность проистекает из того, что, во-первых, стоимость ценных бумаг очень часто отрывается от реалий; во-вторых, такие суммы начинают вращаться со все большей скоростью; в-третьих, на эти первичные титулы собственности (акции, облигации, кредиты и пр.) производятся вторичные, третичные и последующих степеней ценные обязательства, в результате чего общая стоимость вращающихся активов становится совершенно несоизмеримой с реальным богатством и производством. А сами эти вторичные, третичные, четверичные и т. д. обязательства обеспечены уже даже не титулами реальных материальных ресурсов, а другими ценными бумагами¹¹. При этом реальные платежи и риски финансовых игроков составляют ничтожную часть от суммы активов, на которые они могут влиять с помощью новых финансовых технологий. Как и при распространении финансовых технологий в прошлом, это имеет и большие достоинства, расширяя возможности вовлечения капиталов и игроков в процесс. Но с учетом теперь уже очевидной недостаточной прозрачности производных инструментов (см.: Кудрин 2009) это превращает часть современной финансовой экономики, по определению некоторых экономистов, в «рулеточную экономику» и «экономику глобального казино». В результате ценность активов зависит от множества колебаний в целом не столь важных и часто не относящихся к делу причин, а экономический фундамент общества становится весьма неустойчивым.

Некоторые особенности финансовых услуг как товара

Важные особенности современного кризиса (как одновременно и его сходство с классическими жюглярскими кризисами) вытекают из описанных выше положений. В частности, более высокая, чем когда-либо ранее, доля финансовых услуг в ВВП означает, что товары, которые производит нынешняя экономика, сильно отличаются от традиционных товаров, так как финансовые продукты сочетают в себе одновременно и услуги, и деньги, поэтому, как нам представляется, их «потребительная стоимость», равно как и их стоимость, значительно более амбивалентна, чем у реальных товаров и услуг. Кроме того, объемы таких услуг, выражаемые в денежных оценках, подвержены гораздо большим колебаниям, чем стоимость обычных товаров. Все это приводит, с одной стороны, к явной переоценке этих активов при перегреве экономики, а с другой – к явной недооценке их в период спада, причем амплитуда колебаний может достигать десятков раз. Такая ситуация делает всю экономику недостаточно устойчивой.

Как известно, рост различных активов и эмиссия ценных бумаг, разбухание рынка капиталов, стремящихся к более выгодному вложению, а вместе с этим активность кредита и его доступность часто сопровождают фазу роста (процветания) рыночной индустриальной экономики. Однако переизбыток биржевого, кредитного и прочего финансового капитала в настоящее время, на наш взгляд, имеет существенное и даже качественное отличие от того, что наблюдалось раньше.

Во-первых, конечно, сегодняшние астрономические масштабы превосходят всякое воображение. Во-вторых, изменилась макроэкономическая ситуация и роль этого

¹¹ Особенно множатся дубликаты уже истраченных, использованных денег. Например, заемные обязательства по уже выданным и истраченным кредитам могут закладываться, перезакладываться, страховаться, перестраховываться, вноситься в паи и т. д. и т. п. многократно, образуя, по сути, длинную цепочку ценностей, которые могут вдруг при неблагоприятных обстоятельствах приобрести отрицательный знак и «сгореть».

капитала. Если раньше он играл все же в основном косвенную роль в перепроизводстве товаров, то теперь все большая часть ВВП и добавленной стоимости создается прямо в финансовом секторе (как мы видели выше). То есть деньги прямо порождают деньги, а сам продукт, товар, который продается, является, по сути, особой денежно-знаковой формой, которая превращается со все большим ускорением в прямую денежную форму. Иными словами, товар (Т) в знаменитой формуле К. Маркса $D-T-D'$ превращается из товара (Т) в деньги-товар (акцию, кредит, сертификат, вклад, дериватив и т. п.), который можно было бы обозначить как D_r . В результате вся формула получения прибыли модифицируется в следующем виде: $D-D_r-D'$. И это не просто замена одного члена. Само получение прибыли в финансовом секторе идет по другим законам – законам обращения, спекуляции, в то время как процесс имеет черты именно массового производства, однако производства денег в виде особого рода товаров. В целом это небывалая ситуация, которая требует специального исследования. В-третьих, в такой ситуации происходит симбиоз явлений, характерных для индустриального и финансового кризиса и типа деятельности, что одновременно делает сегодняшний кризис и во многом похожим на предыдущие, и очень своеобразным. В частности, производство денег в финансовом секторе стремится к тому, чтобы использовать технологии, по типу похожие на индустриальные, которые все время обновляются, морально устаревают (подобно технике), активно разрабатываются, патентуются и заимствуются. Но в то же время уровень доходности от этих технологий требуется как от высокорисковых спекулятивных инструментов. Отсюда гигантские колебания капитала, фантастические колебания цен на сырье, мощнейшие программы кредитования и поддержки потребительского сектора.

Выясняется и еще одна интересная особенность. Будучи деньгами, финансовые услуги не должны иметь явных пределов увеличения. Как известно, денег много не бывает. И это способствует раздуванию «пузырей». Но, будучи товарами, финансовые услуги подвержены целому ряду ограничений, включая ограничения спроса и предложения. А это значит, что ситуация перепроизводства денег реальна. Рассмотрим ее подробнее.

Перепроизводство денег

Рост финансового сектора со всеми описанными выше технологиями и масштабами, как нам кажется, создает в мире принципиально новую ситуацию. В целом, кажется, можно констатировать переход к новой стадии постиндустриального (постмодернового) общества: от экономики, производящей услуги, к экономике, производящей деньги. И этот рост финансового сектора является одной из главных причин и характеристик современного глобального кризиса.

Вот почему одной из наиболее ярких и новых черт современного кризиса является, по нашему мнению, перепроизводство денег.

Для того, чтобы это было легче понять, напомним, отчего происходит перепроизводство товаров. Стремясь к тому, чтобы улучшить или сохранить свое положение в конкурентной борьбе, желая увеличить свои обороты и доходы, производители постоянно наращивают выпуск привычных и новых товаров, развивают свои системы сбыта, в том числе и за счет менее надежных контрагентов, расширяют кредит и рекламу, всячески побуждая потребителей к увеличению покупок. В результате возможности расширения все сокращаются, а усилия и затраты производителей увеличиваются. Они втягиваются в создание новых производств и проектов, берут кредиты, делают долгосрочные инвестиции и т. п., что создает дополнительное напряжение и повышение издержек (арендных, кредитных, ценовых). Наконец, под влиянием тех или

иных негативных событий, например сокращения возможностей потребителей, рынок проседает, спрос начинает сокращаться. Поскольку товарные запасы большие, возникает длинная цепочка сокращения производства, одновременно ухудшаются возможности получить кредит. Начинается спад во многих отраслях. В современных условиях все это крайне усугубляется тем, что огромная часть товаров не только производится за счет привлечения кредита, но и продается в кредит, ухудшение условий которого или возможностей его отдачи (что теснейшим образом связано с уровнем доходов) сразу же ведет к сжатию спроса.

Итак, товары не находят своих покупателей. Однако важно заметить, что такое перепроизводство вовсе не является абсолютным, оно происходит только *при данных условиях и ценах*. Общеизвестны факты времен Великой депрессии, когда правительство премировало фермеров, сокращавших посевы и поголовье, и в то же время выплачивало пособие безработным¹². Сегодня, когда говорят о кризисе сбыта автомобилей, всем ясно, что желающих иметь эти вроде бы лишние автомобили более чем достаточно. Проблема заключается в том, что происходит сбой в сложнейшем хозяйственном организме в рамках государства или даже всего мира. Требуется длительное время на приведение этой ситуации в соответствие.

Но что такое перепроизводство денег? Понятно, что под деньгами мы прежде всего понимаем не только собственно деньги, но самые разные активы, ценные бумаги, свидетельства, платежные средства, символы ценностей, обмена, суррогаты денег, сертификаты собственности и т. п., словом, все, что обращается в сфере кредита, финансов, банковской, валютной, страховой, долговой и т. п. областях (то есть то, что называется «агрегатом М3»). Число, виды и объемы таких активов, как мы видели выше, постоянно растут, а способы их обеспечения и страхования постоянно отдаляются от реальных ценностей. К этому добавляется огромный пласт эмитируемых денег, кредитов и займов многих государств, которые создают огромную питательную среду для роста денежного производства.

Итак, денежные и их многократно дублирующие активы образуют огромный сектор, который должен производить деньги, доход. Сами по себе все эти активы лежать не могут, ведь они взяты у кого-то (кто должен получить на них свою долю прибыли) в кредит, в рост, во временное пользование и т. п. Даже их хранение, обслуживание, страхование требуют больших затрат. Каждый день их бездействия – это огромные потери, если учесть, что крутятся многие триллионы долларов, евро и т. п. Чем больше таких активов, тем важнее вложить их в правильное место, заставить приносить прибыль. Подобно тому, что происходит при продаже товаров, происходит и при «продаже» денег: их продавцы конкурируют за наиболее выгодных клиентов, они ищут все новые технологии продвижения своих продуктов и начинают буквально навязывать деньги. Когда вам звонят по телефону из банка и предлагают активировать кредитную карту или взять кредит, это и свидетельствует о перепроизводстве денег. Кредиторы-продавцы денег начинают конкурировать за возможности их вложения, они начинают иметь дело со все более ненадежными покупателями. При современных финансовых технологиях, при почти мгновенном перемещении гигантских капиталов в разных концах мира возникают такие движения, которые способны создать колоссальные изменения, огромный избыток свободных, но жадных до получения высокой прибыли активов, которые устремляются в те отрасли, что кажутся наиболее доходными, включая сырье, недвижимость, строительство домов, акции и т. п.

¹² Были и случаи, когда производители вынуждены были уничтожать продовольствие, сжигать зерно, выливать молоко и т. п., в то время как множество людей недоедало.

Все приходит в движение: доля накопления уменьшается, доля заимствования у будущего растет. Перепроизводство денег достигает максимума. Наконец, наступает фаза, когда рост продажи денег приостанавливается. И тогда сильно усложненную систему начинает трясти. В результате подобно тому, как при переизбытке товаров они так или иначе уничтожаются (путем переоценки, списания, дешевых распродаж, морального устаревания или физического уничтожения, чтобы освободить склады), начинают уничтожаться перепроизведенные финансовые ценности¹³.

Однако крайне важно, что это вовсе не значит, будто нет желающих их иметь. Напротив, как совмещаются голодающие и вылитое в реку молоко, так совмещаются и уничтожение активов и страшный голод на них. Тут стоит отметить, что на пере-производство денег указывают редко, а если и говорят об этом, то речь идет о пере-производстве плохих заменителей денег (см., например: Маслинин 2009). Но дело, как мы видели, не только, а иногда и не столько в том, что качество таких товаров часто оставляет желать лучшего. Главное, что создается гигантское количество денежных товаров именно на продажу. Причем это могут быть очень хорошие товары, в принципе перспективные акции или льготная стопроцентная ипотека (то есть без первоначального взноса, куда уж лучше). Но даже эти хорошие товары при общем переизбытке денежных товаров не находят сбыта. Происходят их затоваривание и гибель, поскольку денежные товары весьма специфичны – их стоимость зависит от психологической оценки, которая подвержена быстрым изменениям.

2. Финансовые спекуляции: есть ли плюсы?

Финансовых посредников ругали во все времена. И всегда было за что ругать. Но они существуют, и без них не обойтись, поскольку рыночная экономика очень сильно зависит от финансовых посредников, которые превращают сбережения общества в продуктивные инвестиции (Гринспен 2009: 484).

Как было показано в предыдущем разделе, деятельность современных финансовых корпораций и фондов, приводящую к неконтролируемому росту финансовых активов и анархии в их перемещении, абсолютно справедливо подвергают критике (также см. ниже)¹⁴. Однако было бы крайне неправильно представлять, что новейшие финансовые технологии вредны в самой своей основе, что они приводят мировую экономику только к различным бедам и выгодны лишь паразитирующим финансистам и спекулянтам. Напротив, как возникновение, так и современное состояние финансового сектора было призвано решать очень важные задачи, причем именно в глобальном плане.

Словом, современную финансовую глобализацию можно не только ругать, она имеет и действительно позитивные моменты. Суммируя достижения того, что называют финансовой революцией (Доронин 2003: 101–133; Михайлов 2000; Рубцов 2000; 2006; 2011; см. также: Held *et al.* 1999), мы выделили и в собственной редакции сформулировали несколько важнейших направлений развития частного финансового инжиниринга (помимо компьютеризации этой области бизнеса), а далее попытались показать, какое положительное влияние они оказывают. Эти направления можно описать следующим образом:

¹³ Объемы такого уничтожения огромны. О них можно судить, например, по прогнозам сокращения стоимости активов в мире. В частности, согласно оценкам главы Центробанка Новой Зеландии Балларда, общее обесценивание ценных бумаг за 2008 и 2009 гг. должно было составить около 30 трлн долларов; удешевление жилья оценивалось в 4 трлн, падение производства – в 3 трлн, а невозвратные займы – в 2 трлн долларов (Егишиянц 2009).

¹⁴ Наш анализ негативных последствий см. также: Гринин 2008б; 2009а; 2009в; Гринин, Коротаев 2010.

1. Мощное расширение номенклатуры финансовых инструментов и продуктов, что ведет к расширению возможности выбора наиболее удобного финансового инструмента.

2. Стандартизация финансовых инструментов и продуктов. Появляется возможность рассчитывать абстрактную (то есть усредненную, объединенную, взятую от стандартного пакета акций и других бумаг) базу, а не конкретную цену по конкретным бумагам. Это экономит очень много времени у тех, кто использует данные финансовые объекты, позволяет совершать покупки, не вдаваясь в детальный анализ каждой бумаги, а значит, на порядок расширить число участников¹⁵.

3. Институционализация способов уменьшения индивидуальных рисков. Помимо уже указанного расширения номенклатуры и подбора финансовых продуктов, особенно важно отметить появление специальных учреждений – особых расчетных и клиринговых палат – с внутренним регламентом (что избавляет от обращения в суд); специальных правил и компьютерных программ, различных технологий и форм страхования (хеджирования) рисков. Все это позволяет уменьшить как индивидуальный риск невыполнения сделок и разорений, так и риск в рамках определенных бирж¹⁶.

4. Расширение числа участников и площадок. Современные финансовые технологии позволили множеству людей включиться в игру через специальные программы, особых посредников и структуры¹⁷. Это позволяет широко распространять данные технологии среди владельцев капиталов самого разного объема (подобно тому, как развитие акционерных технологий позволило аккумулировать огромные капиталы). Также произошло значительное увеличение числа финансовых центров и их специализация, усилилась связанность национальных и мировых финансовых центров. Крайне важно, что на порядок увеличилось число эмитентов различных финансовых производных, которые ранее не имели выхода на глобальные рынки¹⁸.

В чем же важность этих изменений в финансовом секторе в глобальном масштабе?

- Происходит аккумуляция и вовлечение в оборот огромных капиталов, новых игроков, рынков.

- Появляется возможность использовать ранее совершенно непригодные для извлечения прибыли операции за счет того, что объемы операций возросли колоссально. Мы уже приводили пример, что фирма может получать 3 цента с одной акции, но продавать в день многие миллионы акций, причем покупать и продавать одни и те же акции десятки раз за один день (Кэлахан 2005: 70–79)¹⁹. Напрашивается сравнение с промышленной технологией обогащения бедных руд, которые до этого были невыгодны для переработки.

- Рост разнообразия финансовых продуктов, развитие специализации в оказании финансовых услуг и рост номенклатуры этих услуг позволяют диверсифицировать колебания спроса и увеличить общий объем продаж (как это помогает делать рост номенклатуры товаров в любой другой отрасли)²⁰.

¹⁵ Подобно ситуации с оптовой покупкой большой партии любого стандартного товара, когда покупателю не обязательно изучать каждый отдельный экземпляр.

¹⁶ Однако расширение объемов операций и их ускорение создают угрозу финансового обвала в глобальных масштабах.

¹⁷ Наиболее известным из которых является международный межбанковский валютный рынок (FOREX).

¹⁸ Так же как рост количества производителей товаров приводит к расширению сети точек, продающих и обслуживающих соответствующие товары.

¹⁹ Разумеется, это в большей степени касается периода, когда дела у всех идут в гору, и в гораздо меньшей (хотя и не нулевой) – периода спада.

²⁰ Мы полагаем, что тенденция к максимальной стандартизации договорных условий приведет к тем же последствиям, что и стандартизация производства, в обоих случаях использование стандартов в разы увеличивает сферу применения соответствующих технологий и продуктов.

- Финансовые потоки и финансовые центры начинают по-новому структурировать мировую экономику. Рыночная экономика всегда структурируется вокруг определенных коммуникаций. Вспомним, как строительство железных дорог изменило не просто доставку товаров, но и всю организацию экономической жизни. В современной информационной экономике финансовые потоки начинают играть роль таких системообразующих коммуникаций. Там, где проходят наиболее важные финансовые потоки, интенсивнее всего идет экономическая жизнь. Мелкие и мельчайшие ручейки финансов (как раньше мелкие и мельчайшие потоки грузов к железным дорогам) создают новую экономическую сеть.

- Новая структура позволяет периферии активно включиться в мировую экономику. Разумеется, стихийное движение ведет к обвалам и глобальным кризисам, но так же происходило в XIX в., когда мощнейшее железнодорожное строительство (сопровожаемое невиданными спекуляциями) вело сначала к огромному подъему, а затем – к краху. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы поставить под контроль наиболее опасные и непредсказуемые действия.

3. Финансовые потоки как мировой пенсионный фонд?

Наши исследования позволили нам увидеть и такие глобальные функции мирового финансового сектора, которые вовсе не попали в поле зрения аналитиков (см.: Гринин 2009г; Grinin, Korotayev 2010a; 2011). Эти функции возникли в условиях не обеспеченных золотом денег и связаны с необходимостью сохранения накоплений в условиях инфляции от потерь и рисков в течение длительного срока хранения. Возникли они как непреднамеренный результат в процессе очень сильных изменений в природе мировых финансов, который начался в 1970-х гг. Напомним, что тогда в результате двойной девальвации доллара и краха Бреттон-Вудской валютной системы произошел окончательный отказ от золотого стандарта денег. Цена золота больше не привязывалась к доллару даже номинально, она стала свободной, а курс валют – плавающим.

Однако в результате отказа от золотого стандарта обеспечение сохранности накоплений окончательно перешло от «независимого» гаранта (то есть драгоценных металлов) к государству²¹. Но при этом не осталось ни одного государства, на которое обладатели капиталов могли бы положиться в плане твердости гарантий. К этому надо добавить рост инфляции, особенно беспокоившей Запад в 1970–1980-е гг. Отметим, что именно в это время, в 1960–1970-е гг., в связи с активным социальным законодательством, ростом качества жизни и демографическими процессами (подросло многочисленное послевоенное поколение) выросли объемы социального капитала в самом прямом смысле слова (пенсионные, социальные и страховые фонды, включая и медицинские). Помимо этого источника роста капиталов в 1970–1980-е гг. были и очень важные другие. Общий объем капиталов вырос за счет нефтедолларов, увеличения эмиссии ценных бумаг, роста ссудного капитала (в том числе и суверенных

²¹ Конечно, стоимость золота и серебра могла колебаться. Общеизвестна история так называемой революции цен в XVI в., в результате которой цены выросли в четыре раза. Но никогда не было так, чтобы золотые или серебряные монеты мгновенно потеряли свою стоимость или их ценность упала бы до нуля (как это происходит с акциями). А в XIX – начале XX в., когда многие страны перешли на золотой стандарт (Held *et al.* 1999), ценность денег (и многих цен) была порой удивительно стабильной в течение долгого времени, что позволяло множеству людей жить на доходы от капиталов. Это также позволяло твердо надеяться на сбережения в виде монет из драгоценных металлов на черный день и старость. Это, кстати, также было важнейшей основой для развития бережливости. Сегодня драгоценные металлы столь же непостоянны в цене, как и любой другой актив, и амплитуда колебаний их ценности огромна. Впрочем, в ситуации нестабильности финансовой системы в период кризиса они обычно значительно и даже резко вырастают в цене (см., например: Акаев, Садовничий, Коротаев 2010; Акаев, Sadovnichii, Korotayev 2011).

долгов многих стран)²². В целом с указанного времени начинается процесс резкого увеличения объемов свободных капиталов, которые необходимо было как-то инвестировать.

При инфляции вопрос о том, куда вкладывать капиталы и деньги, не обеспеченные золотом или твердой валютой, становится ведущим. Тем более для капиталов, подобных пенсионным фондам, назначение которых – быть востребованными через десятки лет сохраненными и преумноженными. Нужно было найти новые способы гарантий сохранения и увеличения капиталов.

Фактически отказ от привязки к золотому стандарту (и к постоянным ценностям) изменил не только мировую валютную систему, но едва ли не в большей степени всю финансовую экономику, всю финансовую технологию. Резкое увеличение объема капиталов, необходимость сохранить их от инфляции и найти выгодное приложение объективно подтолкнули к поиску новых форм финансовой деятельности. В результате начался процесс быстрого роста объемов финансовых операций, числа финансовых активов, объектов, инструментов и продуктов. Часть новых инструментов уже была готова, и их удалось быстро «раскрутить» (см. об этом в предыдущей части и выше; см. также: Гринин 2009а; 2009в; Гринин, Коротаев 2010). Этому способствовала и информационно-компьютерная революция, которая совпала с финансовой революцией и дала ей мощнейшую материальную базу.

Итак, в отличие от драгоценных металлов, которые даже без движения сами по себе сохраняли собственную ценность, современные капиталы не имеют такого якоря, невозможно накопить состояние в денежной форме без серьезного риска быстро потерять значительную часть его ценности (см., например: Мовчан 2010: 49). Поэтому если они будут просто лежать, как золото, то постепенно превратятся в пыль. Каковы же источники их сохранения и роста, каковы возможности выполнения финансовых (а значит, и социальных) обязательств?

Первое – это система очень мобильного перемещения капитала, непрерывной смены его форм, вовлечения новых людей, капиталов, посредников и услуг, чтобы сохраняться и приумножаться. Чем быстрее происходят движение и метаморфозы денежных объектов, чем активнее вовлекаются новые активы, тем лучше сохраняется капитал.

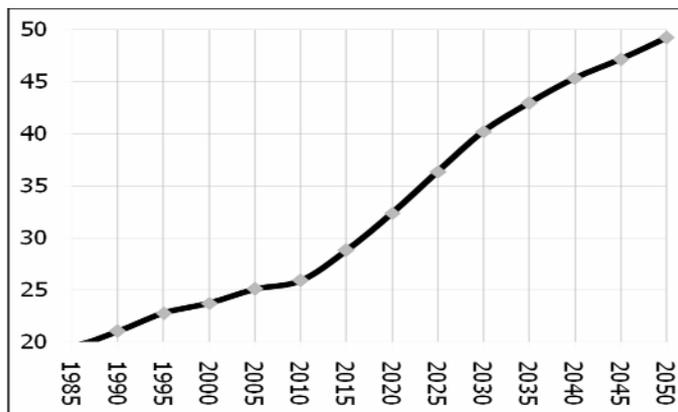
Второе – распределение рисков в глобальном масштабе. Растут возможности разложить риск на как можно большее число участников и стран, трансформировать исходные финансовые объекты в как можно большее число финансовых продуктов. Необходима максимальная диверсификация, позволяющая выбирать удобные формы финансовых продуктов и оперативно менять их. Вот почему так называемые производные финансовые инструменты становятся все более и более производными, приобретая все более превращенную и отдаленную от первичных денег форму²³.

Третье – рост специализации, в том числе в самых разных формах на страховании вложений. Специализация обеспечивает диверсификацию и возможность расширения.

²² Много лет спустя сюда добавились некоторые другие источники, например так называемые государственные инвестиционные фонды (национальные фонды развития), которые аккумулировали ресурсы, получаемые государством от некоторых сверхприбылей (например, от экспорта нефти) и инвестируемые ими в зарубежные финансовые рынки. В настоящее время такими фондами обладают несколько десятков государств (National Intelligence Council 2008).

²³ Надо иметь в виду, что пенсионные фонды, страховые компании и т. п. выступают в роли так называемых институциональных инвесторов и собственников во множестве корпораций, которые сами вкладываются в массу различных бумаг и проектов; таким образом, финансы всего мира настолько перемешались, что сложно понять на самом деле, где чьи деньги, где «хорошие» деньги, а где «плохие».

Рис. 1. Количество пенсионеров на 100 работающих в развитых странах, 1985–2050 (UN Population Division 2012)

Дополнительная важность функций мировых финансов в плане сохранения и приумножения накоплений пенсионных, страховых и социальных фондов с каждым годом усиливается важнейшим и в целом глобальным обстоятельством: завершением второй фазы демографического перехода в Европе, Японии и США (см., например: Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006). Это создало, как известно, демографическую ситуацию, при которой едва обеспечивается простое воспроизводство населения, а в ряде развитых стран фактически началась депопуляция; в целом численность будущих поколений сокращается, а численность стареющих когорт населения и процент пенсионеров в общем составе населения в развитых странах растет. И прогнозы обещают только усиление этого процесса. Если в 2010 г. в развитых странах на одного пенсионера в среднем приходится четверо работающих, то в 2025 г. их будет только три или меньше²⁴. Кто же будет пополнять в дальнейшем пенсионные фонды, кто будет выполнять социальные обязательства перед сотнями миллионов пожилых избирателей? Причем идет не только рост числа пенсионеров и социально застрахованных, но одновременно и увеличение объема, сложности и стоимости обязательств, в частности медицинских услуг.

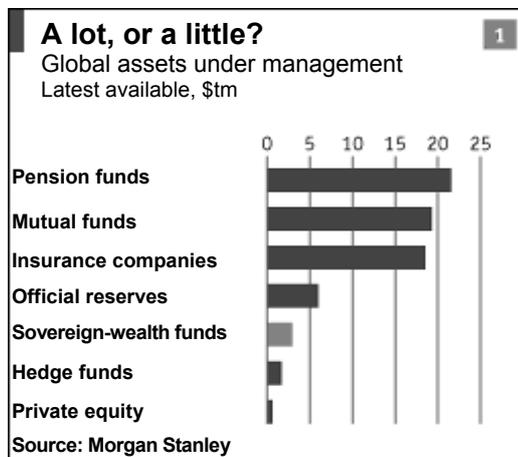
Действительно, в таких обстоятельствах и при замедлении темпов экономического развития на Западе, а также с учетом крайне тревожащего роста государственного долга во многих странах гарантии выплат пенсий и других социальных страховых обязательств отнюдь не выглядят абсолютно надежными.

Здесь надо учитывать, что большинство пенсионных денег сосредоточено не в государственных, а в тысячах частных (негосударственных) пенсионных фондов, которые весьма активны в поисках наиболее надежных и выгодных вложений. Пенсионные фонды – важные держатели акций котирующихся частных компаний. Они особенно важны для биржевых рынков, где доминируют крупные институциональные инвесторы. Объемы денег в пенсионных фондах очень велики. В газете *The Economist* за 17 января 2008 г. писали, что, по оценкам *Morgan Stanley*, частные пенсионные фонды по всему миру владеют активами более чем в 20 трлн долларов. Это больше, чем у любой другой категории инвесторов, – больше, чем у паевых инвестиционных фон-

²⁴ См.: Мир после кризиса 2009: 57–58. Драматическое изменение пропорции пенсионеров и работающих видно из таких цифр: в 1950 г. в США пропорция пенсионеров и работающих выглядела как 1:16, а в середине 2000-х гг. уже как 1:3, то есть она изменилась в пять раз (см.: Мельянцев 2009: 30).

дов, страховых компаний, валютных резервов государственных инвестиционных фондов, хедж-фондов или частных инвесторов²⁵.

Рис. 2. Активы разных типов фондов (Economist 2008)

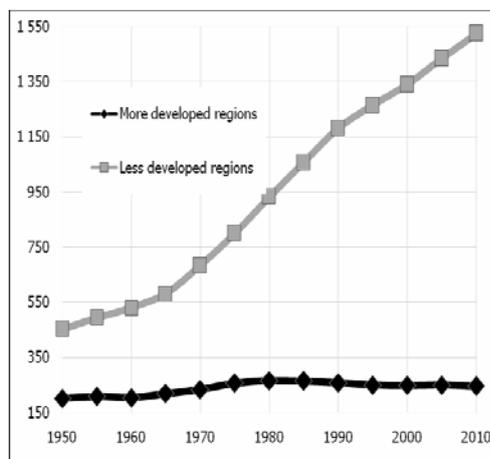

Таким образом, в мировом масштабе пенсионные и другие социальные фонды обладают денежными средствами в десятки триллионов долларов. И ведь это не какие-то финансовые производные или «плохие» долги, а кровные деньги, отложенные за десятки лет. Так, по некоторым данным объемы американских пенсионных фондов к моменту кризиса составляли примерно 10 трлн долларов (Штефан 2008), что сравнимо с общим размером ВВП США (см.: Antolin 2008: 7). Кризис привел к существенным потерям и даже разорениям многих из них. Как сделать сохранение этих богатств надежным? Надежность, как легко увидеть, понятие весьма относительное. Ненадежными могут оказаться лучшие акции, недвижимость, даже государственные бумаги. Организация экономического сотрудничества и развития оценивает потери пенсионных фондов в странах, входящих в ОЭСР, в 5,4 триллиона долларов или примерно 20 % стоимости всех активов этих стран в 2008 г. (Hinz *et al.* 2010: 3; Antolin, Stewart 2009). Российский ПФ в 2008 г. потерял на них 10 млрд р. (Наумов 2008). Представляется, что в рамках отдельных развитых стран делать это все сложнее.

В то же время в развивающихся странах есть огромное число молодежи; обеспечить ее работой и дать ей образование является очень трудной задачей. Ее не решить без все более активной интеграции экономик периферийных стран в экономику Мир-Системы, без притока капиталов и технологий с Запада. А без развития мировой финансовой системы такой интеграции не достичь. В то же время пенсионеров в развивающихся странах пока немного, обязательства перед ними сравнительно невысокие²⁶, а сроки, когда бремя пенсионеров начнет давить с критической силой, явно намного более отдаленные, чем на Западе.

²⁵ К концу 2005 г. совокупные активы частных пенсионных фондов в 23 странах, рассматриваемых в данном исследовании, оценивались более чем в 13 трлн долларов (Antolin 2008: 6).

²⁶ Например, активы пенсионного фонда составляют 5 % ВВП в Индии, и только 1 % ВВП в Китае (Ravindran 2010).

Рис. 3. Молодежь в более развитых и менее развитых регионах, млн, 1950–2010 гг.

Источник: UN Population Division 2012.

И в этих условиях мировые деньги фактически уже начинают участвовать в решении указанной социальной задачи (естественно, что решить ее полностью они не могут). Выглядит это так, что перераспределение капиталов по всему миру, распределение рисков путем вложения в самые разные активы развивающихся стран через множество посредников и специализирующиеся фонды фактически создает для заемщиков, акционеров и реципиентов стран, где много молодежи, финансовые обязательства умножать капиталы в течение длительного времени. И эти умноженные капиталы потенциально пойдут на выплату пенсий и социальных обязательств в страны-кредиторы. Развивающиеся страны заинтересованы в привлечении все новых капиталов, чтобы обеспечить работой новые когорты молодежи. Значительная часть капиталов, которые им нужны, формируется из денег пенсионных, страховых и социальных фондов развитых стран. Иными словами, в известной мере молодежь Индии, Индонезии, Бразилии или Китая косвенно станет работать на стариков Европы.

Итак, страны с богатыми демографическими ресурсами и обширными молодыми когортами населения, но бедные капиталами через мощнейшую унификацию мировых финансовых потоков, их стандартизацию, возрастающую мобильность и анонимность все сильнее вовлекаются в крайне важный (хотя внешне и незаметный) процесс финансирования пожилых когорт населения западных стран²⁷.

Иными словами, глобальные финансы не просто интегрируют капиталы различных регионов мира, но фактически позволяют решать важнейшую социальную, причем исключительно внутреннюю, задачу, которую, однако, становится уже крайне сложно решать в рамках отдельных стран, – обеспечение огромной части населения пожилого возраста. В этих условиях прослеживается ситуация, когда неудачи любой страны будут расцениваться как общая неудача. Фактически это опережает (и подготавливает) политическую и правовую глобализацию мира в некоторых очень важных

²⁷ Это напоминает ситуацию в Великобритании в начале XX в., когда доходы от экспорта капиталов помогли поддерживать высокий уровень жизни на фоне замедления темпов промышленного производства. В этот период доходы от земли, недвижимости, государственных, иностранных и колониальных займов составляли чуть менее половины всего облагаемого налогом национального дохода (Туган-Барановский 2008 [1913]: 321).

аспектах. Такое переплетение интересов, как только оно станет очевидным, заставит активнее идти в направлении институционализации некоторых финансовых и социальных отношений, более тщательного регулирования финансовых потоков и обеспечения безопасности финансовых технологий.

Иными словами, современные финансовые активы и потоки стали глобальными и интернациональными, фактически в них обращаются общие деньги (иное дело, что выгоды могут быть неравноценными). При этом очень важно понимать, что в них крутится большой процент *социальных* денег (пенсионных и страховых), потеря которых может в будущем обернуться трудно прогнозируемыми бедствиями²⁸.

Таким образом, более безопасное распоряжение мировым капиталом имеет помимо очевидных экономических и социальных еще и такой социальный вопрос, как безопасность будущего пенсионеров и социально незащищенных людей (которые, конечно, в рамках сделок и на национальном уровне как-то страхуются, но что могут значить страховки в условиях глобального обвала?). Поэтому вопрос о каких-то институциональных условиях финансовой глобализации становится еще более важным. Однако сколько понадобится кризисов, чтобы он решился?

4. Ощущение необходимости изменений

Сегодня многие специалисты видят нынешние проблемы мировых фондовых рынков в несовершенстве системы их регулирования²⁹, хотя очень многие (если не большинство специалистов, по крайней мере американских) по-прежнему полагают, что проблемы на фондовых и финансовых рынках возникли не столько в связи с отсутствием наднационального регулирования фондовых рынков, сколько в связи с недостатками и несовершенством национального регулирования. Надо отдать должное, в США сделали некоторые выводы из кризиса, в частности начинают обсуждать и/или принимать меры по более жесткому регулированию. Началась чистка «плохих» и «токсичных» долгов. Все это важно, особенно учитывая гигантское влияние на мир американских финансовых институтов и инструментов. Сегодня у Международного валютного фонда больше возможностей влияния на мировую экономику в результате увеличения его кредитного ресурса. Впрочем, существуют серьезные сомнения в том, что МВФ сможет значительно продвинуться в плане собственной трансформации в своего рода мировой «Центробанк», хотя подобные предположения время от времени появляются (см., например: Зотин 2010). Мировой опыт показывает, что новые принципы (которые также должны служить основой новой мировой финансовой системы) не появляются в рамках или в результате работы институтов, которые уже реализовали свои функции. Подобные уже устоявшиеся институты с трудом поддаются радикальной трансформации.

В последнее время немало (и во многом правильно) высказываются по поводу того, в каком направлении необходимо регулировать финансовую деятельность. Можно

²⁸ Важность учета полезных функций (включая социальную) общемировой валюты должна предостеречь нас от различных максималистских утверждений, таких как «работа в банке не заслуживает чрезмерно хорошей оплаты труда... общество не должно позволять людям становиться богатыми только из-за их финансово-перераспределительной функции» (из интервью с известным французским экономистом Жаком Аттали, см.: Быков и др. 2009: 103). Все это напоминает декларации столетней давности, что капиталисты не выполняют никаких полезных функций в производстве. Но на самом деле, как только пропадет интерес в обогащении посредством финансовых операций, кто рискнет своими капиталами? И что с ними произойдет? Впрочем, это не отрицает необходимости аккуратного и последовательного ограничения чрезмерных спекуляций и чрезмерного обогащения. И в этом отношении некоторые идеи Жака Аттали (в частности, его предложение относительно нового, на этот раз всемирного, закона Гласа – Стигалла [Там же]) выглядят довольно интересно.

²⁹ См. анализ этих взглядов, например: Доронин 2003: 129–130.

привести и достаточно яркие цитаты по этому поводу из сегодняшней литературы. Например, У. Шефер пишет: «Особенно рискованные финансовые продукты должны быть запрещены. Сейчас если кто придумает новый финансовый инструмент, то может его уже на следующий день предлагать своим клиентам. Кто изобретет, например, новый дериват, не обязан его нигде регистрировать, ни в каком ведомстве, и может его просто продавать. Последователи свободного рынка полагают, что финансовые рынки сами все отрегулируют и отбракуют плохие продукты. На самом же деле этого не происходит. Банки и фонды триллионами выбрасывали на рынок “токсичные отходы” и при этом распространяли убеждение, что из большого количества сомнительных вложений можно с помощью определенных конструкций создать настоящему ценные бумаги. Никто при этом не чувствовал себя ответственным за все это. Но если рынок не в состоянии взять на себя ответственность, тогда это должно сделать государство. Нужно, чтобы финансовые концерны были обязаны предварительно регистрировать все финансовые продукты, которые они изобретают, – примерно так, как это обстоит с лекарствами в фармацевтике. Государственное ведомство должно предварительно проверять и тестировать все финансовые инструменты, прежде чем банки получат право их продавать. И если эти инструменты слишком опасны, ведомство должно их запрещать» (Schäfer 2009: 279–280). «Ведомства по контролю над финансовыми рынками должны разделить рейтинговые агентства таким образом, чтобы одна часть занималась определением финансового рейтинга, а другая – консультированием банков. При этом рейтинговые агентства и их заказчики должны публиковать всю информацию, которая использовалась для определения рейтинга. Тогда любое другое рейтинговое агентство может проверить присвоенный рейтинг и в случае несогласия опубликовать собственную оценку» (*Ibid.*: 280).

«Бизнес налоговых оазисов (офшоров. – *Авт.*) состоит собственно в том, чтобы высасывать деньги из промышленно развитых стран. “Оазисы” привлекают сверхнизкими налоговыми ставками. Они предлагают вкладчикам абсолютную тайну и освобождают финансовые концерны от каких-либо проверок. Поэтому индустриальные страны должны принудить “оазисы” отказаться от банковской тайны и заставить их сообщать иностранным налоговым ведомствам обо всех доходах с капитала. “Оазисы” должны поднять свои налоги до некоего международно приемлемого уровня. Добровольно они этого не сделают. Поэтому в случае необходимости их нужно принудить к этому с помощью экономических санкций» (*Ibid.*: 284)³⁰.

Нетрудно заметить, что в данной выдержке в целом (за исключением последнего абзаца, довольно, впрочем, важного) призывы обращены к национальному правительству. Но хотя роль национального регулирования по-прежнему очень велика, сегодняшняя ситуация на финансовых рынках – в отличие от прежнего времени – уже такова, что

³⁰ Как известно, во многих западных странах высокие налоги спровоцировали серьезное увеличение числа тех, кто старается уклониться от них, а также растущее количество офшорных зон (Cassard 1994: 22–28; Zogome 2007: 24–25; Платонова и др. 2009). На саммите «Большой двадцатки» в Лондоне (апрель 2009 г.) раздавалось много голосов против офшоров (особенно со стороны Германии и Франции). Против них даже было принято несколько решений, некоторые члены «Большой двадцатки» (но не все) обнаружили себя в черном списке стран, препятствующих международному контролю над налоговыми убежищами. Однако с оздоровлением экономики антиофшорные выступления несколько ослабели, особенно учитывая тот момент, что некоторые страны «Большой двадцатки» (например, Китай и Великобритания) заинтересованы в офшорах (Быков и др. 2009: 101). Также звучали заявления относительно необходимости привязать зарплаты менеджеров инвестиционных банков к средне- и долгосрочным результатам. И следует отметить давление по уменьшению секретности банков (см., например: Фокин 2010), что, впрочем, нельзя рассматривать исключительно как положительное явление.

в одиночку государствам не справиться. И раз финансы все заметнее становятся международными (и, как мы видели, выполняют объективно важную роль, которую уже не решить в национальных масштабах), следовательно, нужны наднациональные решения.

О необходимости перехода от национального уровня регулирования к наднациональному отдельные ученые говорят довольно давно (Ван дер Вее 1994: 374; Сорос 1999). Л. Туроу, как и ряд других аналитиков, видит причину нестабильности мировых фондовых рынков в противоречии между международным характером операций на мировых фондовых рынках и национальной природой их самих. Однако он очень верно замечает, что хотя эпоха национального экономического регулирования кончается, эпоха глобального экономического регулирования еще не пришла (Туроу 1999: 158). Произойдут ли решительные перемены в этом направлении сегодня?

Обсуждение трансформации мирового порядка становится особенно актуально, когда мир сотрясают глобальные кризисы. Таким образом, неудивительно, что концепция «пересмотра мирового порядка» (см., например: Tinbergen 1976) появилась именно в 1970-е кризисные годы. Кризис 1969–1970 гг., финансовый кризис 1971–1973 гг., но особенно кризис 1973–1975 гг. действительно были периодами экономического хаоса, не имеющими аналогов в поствоенную эпоху (Там же). Это стимулировало появление новых идеологий глобального развития, особенно в том, что касается взаимоотношений между развитыми и развивающимися странами или возможностей устойчивого развития мира. Многие из вопросов, поставленные в этот период (как и многие разработанные в то время рекомендации), актуальны и сегодня. Люди в любую эпоху всегда уверены, что их время с реформами и кризисами уникально. И все же не будет преувеличением сказать, что современный глобальный кризис ярко, как никогда раньше, продемонстрировал необходимость крупных изменений в регулировании межнациональной экономической деятельности и движения мировых финансовых потоков, потребность в росте согласованности действий правительств и определенной унификации законодательства. Фактически нужна новая система финансово-экономического регулирования в мировом масштабе.

Осознание причин кризиса может дать толчок началу витка глобальных изменений, однако путь этот долог. Но даже переход только к самому начальному этапу новой системы наднационально-национального регулирования уже будет означать очень глубокие изменения, причем многие трансформации сегодня просто трудно предвидеть. То, что политический ландшафт и расстановка сил в мире изменятся в ближайшие десятилетия, ощущается все сильнее. «Международная система – в том виде, в каком она возникла после Второй мировой войны, – к 2025 г. изменится практически до неузнаваемости благодаря подъему новых держав, глобализации экономики, историческому переходу относительного богатства и экономического могущества с Запада на Восток и растущему богатству негосударственных субъектов», – считают американские аналитики (Мир после кризиса 2009: 12).

Часть 2. О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИТИЯ МИР-СИСТЕМЫ В СВЯЗИ С СОВРЕМЕННЫМ КРИЗИСОМ

1. Смена лидера или коренное изменение системы?

Сегодня вполне очевидно, что происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и – в более широком смысле – ослабление экономической роли развитых государств в целом³¹. Поэтому нет сомнения, что раньше или позже (а в целом относительно скоро) положение США как лидера Мир-Системы изменится, и их роль снизится. И этим очень обеспокоены многие в самих США (см., например: Mandelbaum 2005; National Intelligence Council 2008). Сегодняшний кризис будет важным этапом в этом направлении ослабления нынешнего лидера. В целом, как мы уже говорили (см. также: Гринин 2008б; 2009а; 2009в; Гринин, Коротаев 2010: Гл. 4; Grinin, Korotaev 2010а; 2010б; 2011), прежние приоритеты и основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные для США основания, рано или поздно начнут трансформироваться в новый порядок. Такая трансформация и составит в ближайшем будущем коллизии взаимоотношений между национальными интересами США, с одной стороны, и общемировыми интересами – с другой³².

Однако такая коллизия приведет к исключительно большим изменениям, которые, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России³³). Но это глубокое заблуждение – моделировать изменения в Мир-Системе главным образом с позиции смены лидера в ней. Фактически сегодня мы имеем дело не просто с кризисом в Мир-Системе и даже не просто с кризисом центра Мир-Системы; мы имеем дело с кризисом устоявшейся и вполне понятной модели ее структуры во главе с лидером, который **сосредоточивает у себя целый ряд аспектов лидерства: политического, военного, финансового, валютного, экономического, культурного, технологического**. США также выступают как передовой отряд развитых стран в целом (о некоторых таких аспектах позиции США в мире см.: Renwick 2000; Nye 2002; Vacevich 2002), приоритет которых в мире очевиден. Таким образом, имеется довольно сложная структура лидерства: США – ведущие страны Европы и Япония – тянущиеся к ним довольно высокоразвитые страны АТР и среднеразвитые страны Европы – есть также прилегающие к США страны, находящиеся с ними в особых отношениях (Мексика и др.).

Говоря о потере США статуса лидера, мы должны подразумевать не замену лидера Мир-Системы, а коренное изменение всей структуры мирового экономического и политического порядка. Проблематична же замена лидера Мир-Системы хотя бы потому, что **место, подобное США, уже не может занять никто, поскольку никто не может сосредоточить сразу столько лидерских функций**. И лишь только поэто-

³¹ Оно выражается в замедлении темпов экономического роста мир-системного центра при ускорении этих темпов в большей части мир-системной периферии (подробнее см.: Гринин, Коротаев 2010; Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Малков и др. 2010; Коротаев и др. 2010: Гл. 1; Мельянцеv 2009; Иноземцев 2008), в слишком быстрой и анархичной деиндустриализации, зависимости от дешевого импорта и импорта капиталов, дефицитности бюджетов и росте общей задолженности общества, в динамике некоторых демографических показателей и т. д. Все это возрождает идеи смерти Запада (см., например: Бьюкенен 2007). С другой стороны, наблюдается некоторое снижение общей задолженности, проявляющееся в так называемом снижении доли заемных средств в мировой экономике в связи со списанием плохих долгов и осторожностью при выдаче новых кредитов (см., например: Карсбол 2010: 101), но эта тенденция вряд ли будет долговременной.

³² См. подробнее: Гринин 2008б; 2009б.

³³ См., например: Frank 1998; Пантин, Лапкин 2006.

му (а есть и много других причин) потеря США роли лидера будет означать глубокую трансформацию самой Мир-Системы.

Прежде всего отметим, что позиции США как мирового лидера являются уникальными в истории. Причем соединение в одном центре – в США – экономического, финансового, военного, политического и научно-инновационного потенциала после Второй мировой войны, как нам представляется, было в целом положительным моментом (наличие альтернативного политического и военного центра в виде СССР в чем-то даже усиливало это положительное значение). Вспомним, что лидером Мир-Системы США стали после Первой мировой войны. Но тогда они сосредоточили у себя только экономическое и финансовое могущество без политического, к которому США даже не стремились. Следует подчеркнуть, что такая ситуация отсутствия признанного лидера Мир-Системы в существенной степени способствовала более тяжело-му проявлению кризисов в экономике и политике Мир-Системы в межвоенные годы и возникновению Второй мировой войны.

В 1960-х гг. произошло сокращение экономической роли США, что привело к созданию трехцентровой модели экономического лидерства: США – Западная Европа – Япония. Однако важно отметить: эта система сформировалась под политическим и военным (признаваемым и желаемым) лидерством США. Эта структура показала свою жизнеспособность в течение почти четырех десятилетий. Она работает и сегодня, но если не удастся восстановить экономическую динамику западных стран, ее роль будет слабеть (а динамика явно ослабла во всех трех центрах). К сожалению, сегодня эти центры уже слабо поддерживают друг в друге лидерский импульс, так как у них во многом сходные проблемы, связанные с замедлением развития. Их шанс усилиться заключается в объединении сил для закрепления определенных преимуществ развитых стран, полезных также и Мир-Системе в целом (см. ниже), аналогично тому, как усилился Запад в условиях расширения социалистического блока и распада колониальных империй, когда объединился в военно-политическом, идеологическом и частично экономическом плане в 1940–1950-е гг.

Не исключено, конечно, что появление новых революционных технологий способно дать определенный импульс экономическому развитию США (как было во второй половине 1980-х и в 1990-х гг.), а вместе с тем и Запада в целом; но, во-первых, в ближайшее десятилетие таких технологий как будто не ожидается, а за это время дела в американской экономике, скорее всего, будут развиваться по пути усугубления проблем; во-вторых, для получения большого результата от передовых технологий требуется длительное время, измеряемое самое меньшее 15–20 годами. А за это время многое изменится. В-третьих, даже новые технологии вряд ли могут помочь сохранить военное и политическое лидерство и т. д.

Итак, очевидно, что место, подобное США, уже не может занять никто: ни отдельное государство, ни союз государств. Фарид Закария (Zakaria 2009) считает, что функции лидера Мир-Системы могут выполняться только государством, которое доминирует в плане идей или идеологии, экономической системы и военной мощи. **Однако в мире нет – и в обозримом будущем не предвидится появления – ни одной страны и даже группы стран, которая смогла бы соединить в себе несколько аспектов лидерства.**

Не будет таким и Китай. Анализ китайской модели в увязке с возможностью Китая играть более важную роль в Мир-Системе дан в: Гринин 2012. В настоящей статье мы переходим к анализу возможных сценариев развития.

2. Гипотетические и реальные альтернативы

Таким образом, будущая Мир-Система уже не сможет иметь такую же, как сегодня, структуру со столь же сильным центром. Что же может быть альтернативой сегодняшнему «порядку» в мире? Здесь мы ступаем на зыбкую и неблагодарную почву прогнозов.

Рассмотрим будущую структуру сначала сходя из следующего вполне правдоподобного, но все же гипотетического предположения. Объективно глобализация ведет к тому, что должны появиться какие-то новые формы политических и экономических образований надгосударственного типа. ЕС представляет лишь один вариант такого типа, другие типы и формы сейчас еще только намечаются или намечаются. Но при благоприятных обстоятельствах они могут сложиться довольно быстро. Крупнейшие государства (США, Китай, Индия) достаточно долгое время могут соперничать с такими надгосударственными образованиями, но все же будущее не за отдельными государствами, а за наднациональными объединениями.

Исходя из такой гипотезы, новым лидером Мир-Системы, если он вообще появится, вряд ли будет отдельное государство, скорее им мог бы стать только блок государств (к тому же потенциально растущий). Возглавит ли такой альянс кто-то из наиболее крупных государств современного мира или он вырастет из коалиции государств средней величины и мощи? Или же такая коалиция возникнет на других основах? Очевидно, что ни Китай, ни Индия не сумеют объединить вокруг себя какую-то релевантную группу стран по своим политическим, а Индия – и по цивилизационным особенностям. Чтобы стать таким интегрирующим центром, Китай должен изменить свой политический режим³⁴. А это для Китая, скорее всего, будет означать тяжелые потрясения (а возможно, и развал, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные округа – первые кандидаты на отделение³⁵), сохранение же политического режима требует опоры на свои силы. Режим в Китае останется стабильным и могущественным до тех пор, пока он в состоянии поддержать процессы, которые довольно точно названы Юньсян Янем (Yunxiang Yan 2002) «управляемой глобализацией». Это подразумевает способность руководства контролировать различные глобальные (в частности, культурные) воздействия. Поэтому Китай не готов возглавить процесс экономической координации в регионе. Но в то же время он не согласится играть «роль второго плана» (см., например, мнение известного японского экономиста Ричарда Коо [Ивантер 2009: 97]) и четко наращивает экономическое влияние в странах АСЕАН (Канаев, Курилко 2010: 43–44). Впрочем, утверждение Ричарда Коо, что рано или поздно Китаю придется обременить себя лидерством, по крайней мере в Азии, выглядит не вполне убедительным.

Более органичная интеграция американского региона под эгидой США (некоей пан-Америки) могла бы теоретически возродить роль США как мирового центра. Но расстановка политических сил в Латинской Америке слишком неустойчива, а уровень развития государств сильно различается. Бразилия уже сама по себе достигла уровня крупных стран. К тому же игра на противостоянии Штатам оказывается большим искусом для целого ряда режимов. Союз с Мексикой и Канадой (НАФТА)

³⁴ Правда, у Китая есть те или иные планы более активной интеграции с соседями. В частности, идея зоны свободной торговли «Китай + АСЕАН» и единого интеграционного пространства в Северо-Восточной Азии (СВА) с участием Японии, Китая и Южной Кореи и, возможно, российских энергетических ресурсов. Но с учетом напряженных отношений Китая и Японии все это выглядит малореальным (см. подробнее: Михеев 2008: 319).

³⁵ В отношении Тибета есть опасения, что он, не обладая развитыми традициями государственности, скорее всего, пойдет по пути Косово, превратившись в еще одно государство – базу для мирового транзита наркотиков (см.: Быков и др. 2009: 103).

не сможет решить указанную выше задачу, хотя и обеспечивает Канаде и Мексике более 85 % всего экспорта (Кириченко и др. 2008: 226).

Из всех вариантов возникновения такого лидирующего гипотетического союза европейский вариант имеет наибольшую, пусть в целом также небольшую, вероятность. Эта вероятность не так велика хотя бы потому, что расширение Европы уже сталкивается с естественными географическими ограничениями, а экономические и политические кризисы в Греции, Португалии и некоторых других странах продемонстрировали многие слабые стороны Европейского Союза. И в целом, как уже было сказано, Европа пока испытывает большие трудности. Хочется надеяться, однако, что рано или поздно эти проблемы будут преодолены. Тогда не исключено, что в каком-то обозримом будущем станет реальным и план вступления в ЕС Турции с ее более чем 70-миллионным населением. Это сделало бы Европу уже сверхъевропейским союзом (стоит учитывать и развитие связей ЕС с неевропейскими средиземноморскими странами, даже несмотря на последние события Арабской весны в этом регионе). А если бы Европе удалось интегрироваться с Россией, Украиной, Белоруссией, это могло бы дать определенный импульс для перестройки мир-системных отношений и даже сформировать какой-то сильный центр. Это весьма сложный, хотя и не невозможный для реализации вариант³⁶.

Все перечисленные варианты маловероятны. А значит, наиболее реальной альтернативой роли США пока остаются только... сами США. Поэтому в ближайшие одно-два десятилетия США останутся наиболее реальным лидером, если, конечно, американцы сами не подорвут свои позиции (резким поворотом внешнеполитического курса, сильной девальвацией доллара, дефолтом или экономическим обвалом)³⁷. В отсутствие в настоящий момент явного лидера в противовес США мир вынужден способствовать сохранению США как безальтернативного, пусть и дряхлеющего, центра, поскольку всякое ослабление их позиции может привести к неуправляемой во многом трансформации Мир-Системы. Возникает своего рода «цикл дисбалансов» (Мир после кризиса... 2009: 42), поддерживающих друг друга. С одной стороны, это на руку США, но с другой – отсутствие жесткой конкуренции за лидерство сильно ослабляет возможности США к обновлению. Есть мнение, что хотя спрос на лидерство США все еще останется высоким, их заинтересованность и готовность играть лидирующую роль могут снизиться, поскольку американские избиратели пересмотрят свое отношение к экономическим, военным и иным издержкам американского лидерства (Там же: 171). Точнее говоря, скорее могут быть колебания во внешнеполитической линии, вариации на тему борьбы изоляционизма и гегемонизма, в результате чего на какое-то время внешнеполитическая активность США может снизиться. Но переход государств от политики откровенного гегемонизма и внешней экспансии к пассивной внешней политике в истории имел место неоднократно, в частности в Японии, Германии и в самое новейшее время в России.

В условиях неопределенности число вероятных сценариев может быть велико. Так, в докладе Национального разведывательного совета США, структуры, близкой к американской разведке³⁸, рассматриваются четыре гипотетических варианта: «Мир без Запада», когда новые силы вытесняют Запад с лидирующих позиций

³⁶ Впрочем, высокий уровень жизни европейцев, стремление новых членов ЕС немедленно достичь такого уровня и сегодняшний финансовый кризис в еврозоне значительно снижает импульсы к приему новых членов (нечто подобное происходило, правда, в меньшей степени, при воссоединении Германии).

³⁷ Последние два на самом деле потребуют быстрого принятия решений в глобальном масштабе. Неожиданное резкое падение доллара может привести к краху всех национальных финансовых и валютных систем (см.: Платонова и др. 2009: 88).

³⁸ Опубликован в виде книги, на которую мы уже ссылались: Мир после кризиса 2009.

в геополитике³⁹; «октябрьский сюрприз» – экологическая катастрофа; «разрушение БРИК» – конфликт между Индией и Китаем из-за доступа к жизненно важным ресурсам; «Политика не всегда локальна» – когда различные негосударственные структуры объединяются, чтобы разработать международную программу по вопросу окружающей среды и избрать Генерального секретаря ООН. Все они, хотя и опираются на определенные тенденции современности, выглядят недостаточно реальными, что, впрочем, признают и сами авторы (Мир после кризиса 2009: 29).

При большом спектре вариантов будущего рассмотреть все вариации окажется довольно затруднительным. Поэтому лучше избрать какие-то основные параметры анализа гипотез. Возьмем такой важный, на наш взгляд, параметр будущего развития, как **степень внезапности и остроты** геополитических и геоэкономических изменений. Очевидно, что когда процесс идет постепенно, к нему привыкают, на него пытаются воздействовать, и система хоть как-то успевает трансформироваться. Когда изменения происходят внезапно, на какой-то период возникает вакуум системности и порядка, хаос, поспешное возведение временных и потому далеко не всегда удачных конструкций. Рассмотрим два таких гипотетических варианта: постепенных и внезапных изменений⁴⁰.

Первый – когда ослабление мощи США идет не резко, а постепенно. В этом случае возможно, что США, пытаясь сохранить свое лидирующее положение, с одной стороны, будут вынуждены маневрировать, вступать в коалиции, уступать в тех или иных вопросах, принимать какие-то общемировые идеи, чтобы не потерять лидерства и сохранить приемлемый геополитический баланс. А с другой – США будут стремиться что-то создать в мировом масштабе, пробовать институционализировать ситуацию, чтобы в каких-то общепринятых международных и межгосударственных договоренностях или системах взаимодействия (организациях, консультациях, иных формах) попытаться закрепить свое положение первых среди равных, но в то же время не настаивать на абсолютной или даже явной гегемонии, какая есть сегодня⁴¹. Разумеется, тут потребовалось бы большое искусство. Этот процесс пошел бы удачнее, если бы США удалось, как рекомендовал З. Бжезинский, объединиться в важных направлениях с Европой и Японией (Бжезинский 2005)⁴². На наш взгляд, объединяться надо по максимальному числу проблем. Запад – в условиях низких темпов роста в развитых странах – объективно заинтересован в создании такого порядка, который

³⁹ Что касается экономического вытеснения Запада, которое, конечно, является результатом быстрого экономического роста на периферии (см., например: Гринин, Коротаев 2010; Grinin 2011; Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Малков и др. 2010; Коротаев и др. 2010: Гл. 1), необходимо отметить важный момент: изменения будут не такими быстрыми, если вообще будут. Сегодня (и в ближайшем будущем) вектор развития по-прежнему определяется Западом, в то время как наиболее быстро развивающиеся экономики, за редким исключением связаны с западной экономикой. Если мы попытаемся представить себе, что в мире останутся только развитые страны, без периферии, уровень жизни и технологий на Западе пострадает гораздо меньше, чем в периферийных странах в обратной ситуации. К тому же при подобном фантастическом сценарии западная экономика, очевидно, довольно быстро начнет расти, в то время как периферия при обратном сценарии быстро придет в упадок.

⁴⁰ Хотя, скорее всего, процесс будет неравным: медленные неуправляемые изменения будут сменяться какими-то крупными, но не фатальными обвалами и кризисами, подстегивающими процесс трансформации и даже меняющими его направления. Как показывают прогнозы, ни одна модель не может быть реализована в чистом виде, обычно появляются различные направления, комбинирующиеся в специфических сочетаниях.

⁴¹ Уилкинсон называл подобный сценарий «однополярность без гегемонии», но с вероятным доминированием (Wilkinson 1999). В нашем сценарии были добавлены некоторые принципиально важные моменты, включая необходимость попытки сохранить де-юре преимущества в некоторых аспектах. Сохранение доминирующей роли доллара в свое время оказалось исключительно важным для США.

⁴² Анализ американской внешней политики и позиции США в мире см. также: Kagan 2003; Bacevich 2002; Jervis 2005.

бы оформил некоторые его преимущества институционально (и в известной мере это было бы полезно для всей Мир-Системы)⁴³. Насколько вовремя эта необходимость может быть осознана, конечно, большой вопрос, но от того, произойдет ли такое осознание раньше или позже, во многом может зависеть успех такой институционализации⁴⁴. Это был бы, условно говоря, сценарий «планируемой перестройки».

Второй вариант возникает в случае, если изменение позиции США произойдет резко – например, в результате внезапного обвала доллара и, особенно, вследствие дефолта Соединенных Штатов (допустим, при неожиданном изменении ситуации в мировой экономике вследствие еще более сильного, чем осенью 2008 г., кризиса).

В этом случае общественное мнение США вполне может качнуться в сторону сворачивания мировых функций США, что дополнительно усилит вакуум международного управления. В такой ситуации возможны анархия (менее вероятный сценарий) или поспешное собирание («сколачивание») наспех какой-то системы, способной поддержать заваливающийся мировой порядок, для решения сиюминутных дел, выработка каких-то паллиативных решений и договоренностей, которые в дальнейшем могут оказаться перспективными.

Однако из всех гипотетических вариантов нам представляются самыми вероятными два альтернативных. Первый – естественно, более предпочтительный – расширение «клуба» ведущих мировых игроков до такого их числа, которое позволит как-то влиять на ход мирового развития (о нем будет сказано дальше). Второй вариант – спонтанного неуправляемого развития, когда главные игроки будут в основном озабочены внутренними проблемами, политики – рейтингом популярности, а общемировые проблемы будут решаться постольку-поскольку. Японское общество является хорошим примером такой самоизоляции (хотя и там уже проявляются определенные тенденции к реинтеграции [см.: Ивантер 2009: 99]), ЕС также слишком часто демонстрирует замкнутость на собственных интересах. Для западных стран есть также опасность стать заложниками демократической системы, когда положение политиков не позволяет им думать о будущем, и они окончательно превращаются в демагогов и политиканов. При этом вовсе не исключены эксцессы протекционизма и прочих антиглобализационных мер. В этом случае только внезапные встряски вроде современного кризиса могут пробудить западных политиков и западные общества от спячки; полезными оказываются и всплески национально-цивилизационной и гегемонистской гордости.

3. Усилится ли дефицит глобального управления и фрагментированности мира?

Нам неоднократно и по разным поводам приходилось писать о том, что экономическая и финансовая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию (см., например: Гринин 2008а; 2008б). Усилится ли такое отставание политической составляющей Мир-Системы от экономической в ближайшие десятилетия? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, каким может быть экономическое развитие в ближайшем будущем. Многие экономисты и обществоведы, приводя разные аргументы (в том числе опираясь на динамику знаменитых кондрать-

⁴³ Пример такого закрепления – определение пяти ведущих держав, имеющих право вето в СБ ООН. Расстановка сил в мире меняется, а этот порядок сменить не так просто.

⁴⁴ Один из возможных приемлемых для Запада выходов – квотирование темпов экономического роста, чтобы сдержать слишком быстрое развитие периферии (о возможностях такого квотирования см.: Гринин 2007; 2009б). Если же ограничения нельзя добиться путем прямых квот на экономический рост, то этого можно достичь, например, под лозунгами борьбы за всемирную экологию, за права наемных работников, через усиление борьбы против нечестной конкуренции и т. п.

евских циклов), считают, что в ближайшие 15–20 лет экономическое развитие мира, скорее всего, будет идти более медленными темпами, чем в предшествующий период (см., например: Акаев 2010; Акаев, Садовничий 2010)⁴⁵. Мы придерживаемся подобного же мнения (см.: Гринин, Коротаев 2010). Но если этот прогноз оправдается, не сумеет ли политическая составляющая Мир-Системы за это время несколько подтянуться? К тому же ослабление лидерской позиции США и отсутствие альтернативы (в любом случае смена лидера – процесс долгий и сложный), очевидно, должна вести к тому, что международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Следовательно, мы входим в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает, что в ближайшем будущем нас ждет достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будет трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом.

Так или иначе, дефицит глобального управления (а также «растущая институциональная нехватка»⁴⁶) имеет место, и в ближайшие десятилетия он явно не исчезнет. Можно предположить, что он станет идеологически более осмысленным, а проекты устранения этого дефицита обретут уже какие-то относительно зримые очертания. Но глобальное управление требует больших усилий и существенных жертв. До какой степени государства и негосударственные субъекты пожелают или смогут вынести возрастающее бремя глобального управления? Отказ разделить это бремя усугубит ситуацию «растущей институциональной нехватки» (National Intelligence Council 2008). Похоже, стран, которые рискнут в одиночку взять на себя какое-то бремя международного регулирования, окажется мало, так же, как сегодня немногие государства берут на себя обязательства делать крупные взносы в международные организации, включая ООН. Вот почему какое-то время многие страны будут по-прежнему заинтересованы в лидерстве США, хотя, как сказано выше, последним в определенных условиях оно может стать неинтересным или уже непосильным. Тем же отдельным крупным державам, кто оспаривает лидерство США, глобальное регулирование также, скорее всего, будет не под силу.

В такой ситуации могут выявиться наиболее важные сферы, участвовать в регулировании которых будет выгодно, а также отдельные важные области, принимать участие в регулировании которых придется в рамках международных обязательств. Это должно усилить тенденцию к коллективным действиям всякого рода, к формированию объединений, к развитию разных видов сотрудничества, а также будет трансформировать глобальное управление в сторону новых технологий.

Американские аналитики считают, что: а) в ближайшее время политикам и общественности придется справляться с растущим спросом на многостороннее сотрудничество; б) нынешние тенденции ведут к возникновению в следующие 15–20 лет фрагментированного и полного противоречий мира; в) многополярность и бесструктурность – основные черты будущей системы (Мир после кризиса... 2009: 8, 25–26, 180).

Что касается спроса на многостороннее сотрудничество, он и сегодня уже высок, а завтра вырастет сильнее. Но представляется, что такой рост, во-первых, дает шанс ряду региональных держав и союзов усилить свои позиции, во-вторых, будет способствовать ускоренному образованию самых разнообразных форматов многостороннего

⁴⁵ Впрочем, многое зависит от выбранных методов подсчета ВВП. Многие изменения фактически удешевляют конечный продукт, в результате возникает впечатление снижения ВВП. С другой стороны, рост ВВП не менее редко и завышается из-за недоучета (зачастую, по всей видимости, сознательного) скрытой инфляции.

⁴⁶ Об институциональной нехватке см.: Мир после кризиса... 2009: 13, 20.

сотрудничества. Стоит заметить, что *в идеале новый международный порядок сложился бы наиболее удачно при формировании, с одной стороны, достаточного количества различных по типу и по уровню охвата наднациональных союзов, коалиций, координационных центров, многосторонних договоренностей и влиятельных негосударственных организаций и сетевых систем; а с другой – при наличии хоть как-то признанного де-факто, а еще лучше – де-юре, институционализованного ведущего центра Мир-Системы.*

Многополярность (хотя в это понятие вкладывается слишком разный смысл) стала геополитическим лозунгом ряда держав, и она как будто складывается (см. также: Нуе 2002). Формируются новые центры силы (в первую очередь экономической, но также и военно-политической), намечаются в связи с этим новые конфигурации в рамках Мир-Системы. Но в любом случае многополярность в условиях мирного сосуществования в принципе означает тот или иной мировой порядок, поэтому многополярность и бесструктурность – понятия противоположные.

Усиление же фрагментированности означало бы распад (пусть даже и временный) Мир-Системы. Насколько это вероятно? Нам все же представляется, что маловероятно, слишком уж привыкли к определенным реалиям некоего квазиединства. Ведь даже кризис не привел к расколу, а в определенной мере сплотил мир. Кажется также, что формируется некое глобальное сознание. Вот только один пример таких неожиданных метаморфоз современной экономической психологии. В период особенно низкого падения производственных индексов в 2008–2009 гг. среди экономистов все чаще стала повторяться мысль, что экономика Китая вытянет весь мир, а значит, не все так страшно.

4. Эпоха новых коалиций и трансформация суверенитета

Нам уже приходилось писать о процессе трансформации содержания национального суверенитета, то есть процессе сокращения реального объема суверенных полномочий государств, причем во многом добровольного. Необходимость подтянуть политическую составляющую Мир-Системы, усилить глобальное регулирование финансовых и иных агентов усиливает процесс трансформации суверенитета, поскольку государства должны в чем-то добровольно ограничить себя, а в чем-то взять на себя дополнительные функции (подробнее см.: Гринин 2008б; 2009а; 2009б; 2009в; Grinin 2009b; 2009c; Гринин, Коротаев 2009). Мировой кризис более ясно обозначил пределы суверенитета, показал, что даже США не могут более действовать без реальной поддержки других стран.

«К 2025 году не останется единого “международного сообщества”, состоящего из национальных государств. Власть в большей степени рассредоточится между новыми игроками, приходящими со своими правилами игры, а также увеличится риск того, что западные альянсы ослабеют» (Мир после кризиса... 2009: 8). Действительно, скорее всего, реальный состав «международного сообщества» в ближайшие десятилетия будет более сложным, поскольку в него добавятся какие-то наднациональные союзы, официальные или неофициальные совещания лидеров стран и союзов, временные или постоянные коалиции, возможно, и негосударственные организации.

Однако трансформация суверенитета на фоне создания нового мирового порядка все не однонаправленный и однолинейный процесс. Во-первых, национальное государство еще долго будет ведущим игроком на мировой арене, поскольку в обозримом будущем многие вопросы способно будет реально решать только государство. Во-вторых, в чем-то суверенность может усиливаться, так как современный кризис вновь показывает, что судьба национальных экономик в огромной степени зависит от силы государства. Поэто-

му вполне вероятно, что самое ближайшее будущее может показать определенный «ренессанс» роли государства и его активности на мировой арене. Также вероятен возврат в ряде стран некоторых суверенных полномочий, отданных (порой бездумно) тем или иным наднациональным организациям, сообществам или просто мировому капиталу. При долгосрочных тенденциях такие приливы и отливы, колебания и флуктуации не только возможны, но и неизбежны. Например, неуклонное, казалось бы, движение к демократии вдруг в первой половине XX в. сделало вираж в сторону тоталитаризма; развитие в направлении свободной мировой торговли было в последней трети XIX в. развернуто в сторону протекционизма. Поэтому возврат к этатизму вполне может быть и достаточно длительным, и в определенной мере вполне полезным.

Тем не менее, хотелось бы отметить, что такой возврат к повышению роли государства уже не может осуществиться на прежних началах, когда выгода государства – даже в рамках выполнения им принятых на себя обязательств и соблюдения общепринятых международных норм – воспринималась в международных отношениях как высшее основание для его деятельности на международной арене. Мы полагаем, что возврат роли государства не может быть успешным без значительного изменения его внешнеполитической идеологии. Иными словами, можно предположить, что в основе концепции и проведения внешней политики уже в существенно меньшей степени, чем сегодня будут лежать откровенно эгоистические интересы государств⁴⁷. Разумеется, национальный эгоизм не исчезнет очень долго (если он вообще когда-нибудь исчезнет), но он начнет сильнее, чем это делается сегодня, камуфлироваться наднациональными интересами и нуждами. Точнее говоря, всякая акция может требовать помимо реального интереса также и определенного идеологического обоснования. Рассмотрение мировой арены как «великой шахматной доски» (Бжезинский), где выигрывает сильнейший, а мелкие фигуры могут размениваться и приноситься в жертву, возможно, уже не будет востребованным. Мировая арена скорее будет рассматриваться как общее поле интересов, в котором надо устанавливать выгодные для всех правила игры и как-то их поддерживать. Именно в этом может заключаться подтягивание политической составляющей глобализации – общемировые интересы начнут так или иначе оказывать влияние на политику все большего количества государств. А это значит, что в самой концепции внешней политики и (постепенно, очень неравно) в ее практическом осуществлении принципы откровенного преследования эгоистических интересов государств будут занимать меньшее место, чем сегодня⁴⁸. Страны все больше будут определять не только собственную безопасность, но и предпринимать масштабные действия в таких категориях, которые будут согласовываться с интересами других, как советует Бжезинский США (см.: Brzezinski 1997). Поэтому есть ощущение, что, конечно, не вдруг, но постепенно во внешней политике начнут усиливаться лозунги общего (регионального, мирового, группового) блага, хотя за формулировкой «кто лучше представляет мировые интересы» могут скрываться, как всегда,

⁴⁷ Один из множества примеров такого откровенно эгоистического подхода – позиция США по вопросам выбросов в атмосферу парниковых газов. Прямое объявление определенного региона зоной своего особого интереса, вмешательство в дела других государств под предлогом ослабления (например, Россия), а также поддержка коррупционных режимов и т. д. – все это примеры неприкрытой эгоистической политики. Также отметим, что внешняя политика таких основных стран, как Индия, Китай и Япония, по существу, не обладает особой идеологией.

⁴⁸ Стоит обратить внимание, что турецкое руководство, ища повод для вмешательства в дела Сирии, говорит о гуманитарных аспектах, о неприемлемости применения вооруженной силы против гражданского населения. И это Турция, которая, ничтоже сумняшеся, бомбила курдские территории. Это только показывает, что эгоистическая политика вынуждена будет кутаться в одежду новых принципов, которая тем не менее не позволяет так легко их нарушать.

эгоистические цели⁴⁹. Но это приведет к довольно существенным изменениям, причем во многом положительным. Во всяком случае, страны, которые будут продолжать грубо отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют. Неизбежно претерпит радикальные изменения также политика наиболее крупных государств, направленная на то, чтобы прямо и грубо доминировать в мировом или региональном масштабе (включая и наиболее независимого и эгоистичного суверена – США).

В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы соперничества на международной арене, конфликтов и тяжб постепенно начнут приобретать уже иной, чем в прошлом и настоящем, вид. Конкуренция заметнее пойдет за то, кто станет направлять процесс складывания нового мирового порядка. Тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства и т. п. А в проведении такого рода политики, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что мы назвали *эпохой новых коалиций* (см.: Гринин 2009б; 2009г; 2009д; Grinin, Korotayev 2010b). В результате могут быть заложены контуры новой расстановки сил на достаточно длительный срок.

Формы, конкретные цели и направленность действий новых коалиций будут зависеть от многих вещей. В частности, от того, насколько далеко зайдет процесс принятия общих решений и какие способы и формы принятия общих решений начнут реализовываться. Представляется, что система простой демократии (одно государство/участник – один голос) на уровне Мир-Системы вряд ли будет жизнеспособной⁵⁰. Невозможно приравнять Китай и Индию к какому-нибудь Лесото (менее 2 млн человек) или тем более Тувалу с населением в 12 тыс. человек.

Вполне вероятно, что на какое-то время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие коалиции порой могут оказаться химерическими, эфемерными или фантастическими.

В подтверждение сказанного о совершенно неожиданных союзах и блоках можно привести форум стран БРИК. Эта аббревиатура появилась, как известно, в записке аналитика *Голдман Сакс* Джима О'Нейла в 2001 г. для удобства анализа. Но неожиданно умозрительные конструкции ожили, и в 2009 г. прошел первый форум стран БРИК на уровне руководителей стран в Екатеринбурге (Россия), а затем в Бразилии в 2010 г. Затем к этому форуму четырех был приглашен пятый участник – ЮАР, – и БРИК превратился в БРИКС. В апреле 2011 г. прошел первый форум БРИКС на высшем уровне в Китае на острове Хайнань. Можно согласиться с Федором Лукьяновым, главным редактором журнала «Россия в глобальной политике», что «этим странам выгодно подчеркивать свой особый статус в мировой системе. Пока для каждой из них это просто престижно», «но со временем объединение будет становиться все более перспективным» (см.: Сурначева, Артемьев 2011). Насколько перспективным, конечно, сложно предсказать, но главное, что современные союзы могут возникать случайно и на совершенно неожиданных основаниях. Земной шар становится доста-

⁴⁹ Разумеется, и в новейшей истории различные акции проводились и проводятся под эгидой общих интересов, в частности интервенции в зависимые страны (со стороны как СССР, так и США), нажим на отдельные страны под лозунгами защиты прав человека, демократии и т. п. Но в будущем идеологический аспект, думается, весьма заметно усилится.

⁵⁰ Опыт ЕС показывает, что это сильно сдерживает процесс развития, а подобные правила в мировом представительстве просто заблокируют его.

точно тесным, чтобы можно было дружить и сотрудничать, находясь не только рядом. Вот поэтому возникают самые разные геополитические фантазии, некоторым из которых, вполне возможно, и суждено ожить, как произошло с БРИК. Одной из неожиданных такого рода геополитических фантастических комбинаций стало появление Chinindia или Chindia как возможного в каких-нибудь аспектах объединения (по этому поводу немало всякого рода спекуляций)⁵¹.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Например, если в принятии решений (и распределении квот) будут учитываться численность населения и другие параметры⁵², страны и участники смогут блокироваться друг с другом, исходя из относительных преимуществ каждого, для принятия выгодного им решения (подобно политическим партиям). Но, в конце концов, постепенно некоторые из новых союзов и объединений могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы. В этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые нормы мирового права, о необходимости которых говорят уже в течение нескольких десятилетий (см., например: Тинберген 1980).

Эту идею вполне подтверждают события, связанные с современным глобальным кризисом, в частности встречи «двадцатки». Направленность к подобного рода наднациональным формам регулирования становится очевидной, хотя станет ли именно G-20 постоянным органом, неясно, поскольку двадцать, возможно, слишком большое число. Но, как сказано выше, вполне возможен иной вариант расширения числа ведущих игроков. Доведение числа членов «клуба G» хотя бы до 11, то есть «семерка» плюс страны БРИК, уже могло бы сделать этот орган более влиятельным, чем сегодня. Но встречи президентов раз в год или реже, или даже встреч министров мало. Такие встречи пока носят скорее ритуальный, чем практический характер. Чтобы сделать такой «клуб» не просто влиятельным, а реальным мировым органом, хотя бы де-факто, необходимо организовывать форматы переговоров, консультаций, частных договоренностей и пр. на самых разных уровнях и в самых разных комбинациях.

Еще одной формой, гораздо менее вероятной, но, по нашему мнению, наиболее желаемой, будет форма представительства определенного союза. Было бы разумным создать определенный орган, представляющий 10–15 ведущих организаций мира (ЕС, ОАГ, ЛАГ, АСЕАН, СНГ и т. д.). Сессии подобной организации позволяли бы через ограниченное число делегатов представителей представить весь мир, в то же время в рамках полномочий представителей союзы и коалиции имели бы возможность лучшего понимания общих интересов. Даже подобный диалог сам по себе был бы очень полезен.

Устойчивость новых геополитических и геоэкономических форм будет зависеть от множества причин, но исторический опыт показывает, что наиболее прочными становятся те, в которых помимо конкретных преимуществ и объективной потребности имеются и некие неполитические основы для объединения (географические, культурные, экономические, идеологические и др.).

⁵¹ См., например: “Chinindia: More Challenges and More Opportunities” (Kumar 2011a); “The CHINDIANS – Reshaping the Future of the Global Economy” (Kumar 2011b); “Chindia” (Wikipedia); “Will ‘Chindia’ Rule the World in 2050, or America after all?” (Evans-Pritchard 2011).

⁵² Существует индекс измерения национальной мощи, в котором интегрированы измерения ВВП, расходы на оборону, население и состояние технологий. Какие-то индексы могут стать основой для институций при подсчете квот и голосов.

Что касается конкретных причин конвергенции некоторых государств, необходимо принять во внимание, что в условиях бифуркации, через которую проходит мир в настоящее время, новые линии и векторы, способствующие объединению стран в наднациональные организации, союзы, группы, блоки и кластеры, зависят от ряда причин, среди которых определенные сходства могут иметь решающее значение. Кроме того, географическая близость, экономические отношения и общие политические (геополитические) интересы, близость культуры и менталитета (то есть цивилизационная близость) могут быть во многих отношениях самыми сильными. Эти политические, культурные и религиозные особенности могут привести к созданию особых региональных или даже межрегиональных наднациональных моделей сближения. Например, чилийский политолог Талавера задается вопросом, есть ли особый латиноамериканский путь в глобализирующемся мире? Он утверждает, что такой путь существует и есть вполне определенные индикаторы, подтверждающие это. Далее он указывает на формирование варианта развития, подразумевающего существование социально-экономического порядка, основанного на открытости и свободных рыночных отношениях (то есть чисто западное явление. – *Авт.*) с консервативным социорелигиозным режимом (Talavera 2002), то есть, добавим, культурной формы, типичной для части старой Европы.

Естественно, движение к новому мировому порядку будет происходить на самых разных уровнях. Очень важным является региональный уровень. Региональные лидеры быстро набирают мощь; следовательно, они, скорее всего, будут играть более важную роль, чем сейчас⁵³. При этом некоторые из региональных держав станут играть ключевую роль во всем геополитическом раскладе на огромных территориях. Сегодня, по некоторым мнениям, такую ключевую роль начинает играть Иран (см., например: Быков и др. 2009: 101–102). Выдающаяся роль региональных государств открывается не только в геополитическом и геоэкономическом аспектах, но и, к слову сказать, в геокультурном плане, который не менее важен, чем первые два⁵⁴. Не исключено также, что, отвечая на вероятный дефицит глобального управления, негосударственные акторы сформируют сети, сосредоточенные на конкретных проблемах⁵⁵. Однако не стоило бы слишком преувеличивать роль негосударственных организаций и сетей. Главную роль в формировании нового мирового порядка, скорее всего, будут играть государства, но также будут набирать силу надгосударственные объединения всех форматов и форм.

Крайне нужен также и координационный центр, без которого сетевой мир станет неуправляемым конгломератом. К тому же слишком уж сформировался стереотип, что нужны какие-то общемировые институты, поэтому с большим или меньшим ус-

⁵³ Мы уже упоминали в наших предыдущих работах, что уровень развития экономики и экономических отношений в некоторых странах периферии, вполне вероятно, принадлежит к индустриальному типу, а не к постиндустриальному (например: Гринин 2009б). Соответственно уровень национализма там выше, в больших региональных странах это подходит для выполнения роли гегемона в своем регионе (Grinin 2008). В некоторых азиатских и латиноамериканских государствах, которые экономически поднимаются и идеологически консолидируются, «национализм» часто появляется как государственная идеология, разделяемая населением. Наряду с этим возникает стремление поддержать собственные суверенные права, включая право на ядерное оружие и т. д. (Это также традиционный способ привлечь внимание международного сообщества к стране на долгое время, например, как делает Иран.) Так, удачное испытание ядерного оружия смогло стать предметом национальной гордости для индийцев, хотя это вызывало серьезные опасения у США и западных стран (Srinivas 2002: 94).

⁵⁴ По мнению Бернштейна (Bernstein 2002: 245), незападные страны, достаточно могущественные экономически, такие как Япония (о проникновении японской масс-культуры в азиатские страны см.: Aoki 2002), или культурно, такие как Индия, способны влиять на мировую культуру.

⁵⁵ Существуют примеры таких сетей: Форум финансовой стабильности, Международный форум по секвестрации углерода, Международное партнерство по водородной экономике (Мир после кризиса 2009: 161).

пехом, но к ним все равно будут стремиться. Вопрос о координационно-политическом центре Мир-Системы остается очень важным. Если бы удалось создать какой-то коллективный политический (координационный) центр (с ограниченными правами), сосуществование иных функциональных центров могло бы быть более возможным и системным, взаимодействующим⁵⁶. Но именно государства (и особенно надгосударственные союзы) способны скорее всего продвинуться в сторону создания такого центра.

Поиск глобальных ответов на основные проблемы приведет к различным решениям на самом высоком политическом уровне, от нацеленных на создание порядка, способного функционировать десятилетиями (обширный опыт XX в. показывает, что это вполне возможно), до массовых несистемных прагматических и паллиативных. Однако даже импульсивные решения позволяют начать формирование новой системы решений и регулирования, коалиций и союзов. С другой стороны, успех определенных институтов позволит создать некоторые проекты по переустройству мира.

Таким образом, мы рассматриваем широкий спектр решений, институциональных и юридически формализованных, нацеленных на системное построение нового мира; глобальных, но сконцентрированных на узких проблемах, которые наряду с важными, но менее глобальными решениями постепенно будут формировать контуры нового мирового устройства.

Таким образом, через 15–25 лет наш мир будет похож на сегодняшний, и в то же время станет уже совершенно другим. Грядут глобальные изменения, но не все они обретут четкую форму. Напротив, новое содержание может быть закрыто устаревшими институтами и надстройкой (как в позднее Средневековье признаки появляющегося централизованного государства не были отчетливыми на фоне традиционной системы отношений между короной, главными сеньорами и городами). Можно сказать, это будут такие изменения, которые подготовят мир к переходу на новую фазу глобализации (хорошо, если будут основания назвать ее фазой устойчивой глобализации), чьи контуры еще не вполне понятны.

Будущая эпоха, по-видимому, будет эпохой не только новых коалиций, но и новых глобальных институтов, а также – на это обращают внимание пока мало – новых международных технологий многостороннего сотрудничества (в том числе дипломатического, экспертного, социологического, культурного), от которых может зависеть многое. Например, формат международных конгрессов и многосторонних соглашений, возникший после наполеоновских войн и достигший апогея в XX в., вероятно, будет потеснен другими форматами, не исключено, что и связанными с современными коммуникациями. Какая-нибудь постоянная комиссия, работающая не за столом переговоров, а через видеоконференции, может стать удобным и достаточно дешевым органом, чтобы постоянно работать над какими-то проблемами. Как говорил Шарль де Голль, политика – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее политикам (Мысли... 2009: 238). То же можно сказать и о дипломатии в глобализирующемся мире (Grinin 2012).

Библиография

Акаев А. А. 2010. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом. *Системный мониторинг глобального и регионального развития* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 230–258. М.: Либроком/URSS.

⁵⁶ Подобный центр мог бы объединить отдельные центры Мир-Системы, различающиеся по инновационности, индустриальности, финансовым возможностям и т. д. Даже если соперничество между государствами не исчезнет, оно станет более плодотворным.

- Акаев А. А., Коротаев А. В., Фомин А. А. 2011.** О причинах и возможных последствиях второй волны глобального кризиса. *Глобалистика. Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления* / Отв. ред. И. И. Абылгазиев, И. В. Ильин, с. 233–241. М.: МАКС-Пресс.
- Акаев А. А., Коротаев А. В., Фомин А. А. 2012.** О причинах и возможных последствиях второй волны мирового финансово-экономического кризиса. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 305–336. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Акаев А. А., Садовничий В. А. 2010.** О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой и российской экономики. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 5–69. М.: ЛКИ/URSS.
- Акаев А. А., Садовничий В. А., Коротаев А. В. 2010.** О возможности предсказания нынешнего глобального кризиса и его второй волны. *Экономическая политика* 6: 39–46.
- Акаев А. А., Садовничий В. А., Коротаев А. В. 2011.** Взрывной рост цен на золото и нефть как предвестник мирового финансово-экономического кризиса. *Доклады Академии наук* 437(6): 727–730.
- Бжезинский З. 2005.** *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство.* М.: Международные отношения.
- Блант М. 2008.** *Финансовый кризис.* М.: АСТ.
- Быков П., Власова О., Завадский М., Кокшаров А., Сумленный С. 2009.** Мир после Лондона. *Эксперт* 13(652): 100–103.
- Бьюкенен П. Дж. 2007.** *Смерть Запада.* М.: АСТ.
- Ван дер Вее Г. 1994.** *История мировой экономики 1945–1990.* М.: Наука.
- Гринин Л. Е. 2007.** *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса.* М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2008а.** Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. *Век глобализации* 1: 86–97.
- Гринин Л. Е. 2008б.** Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе. *Век глобализации* 2: 46–53.
- Гринин Л. Е. 2009а.** Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег. *Философия и общество* 1: 5–32.
- Гринин Л. Е. 2009б.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2009в.** Современный кризис: новые черты и классика жанра. *История и современность* 1: 3–32.
- Гринин Л. Е. 2009г.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2009д.** Эпоха новых коалиций. Выступление на круглом столе в редакции журнала «Век глобализации» на тему «Глобально-системный кризис и модели мироустройства». *Век глобализации* 1: 63–70.
- Гринин Л. Е. 2012.** Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире. *Век глобализации* 2 (в печати).
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010.** *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринспен А. 2009.** *Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы.* 2-е изд. доп. М.: Альпина Бизнес Букс.

- Доронин И. Г. 2003. Мировые фондовые рынки. *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет* / Ред. И. С. Королев, с. 101–133. М.: Экономистъ.
- Драчев С. Н. (Ред.). 1992. *Фондовые рынки США. Основные понятия, механизмы, терминология*. М.: Церих-ПЭЛ.
- Егишиянц С. 2009. *Обзор мировых рынков за 22–28 февраля 2009 г. по Екклесиасту*. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/595475>
- Зотин А. 2010. Всемирный Центробанк. В результате кризиса МВФ может стать глобальным финансовым регулятором. Кому это выгодно? *РБК. Итоговый выпуск 1*: 46–49.
- Ивантер А. 2009. Все как от огня шарахаются от кредитов. *Эксперт. Лучшие материалы. Аналитика рецессии 15*: 97–99.
- Иноземцев В. Л. 2008. «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность. *Мировая экономика и международные отношения 3*: 3–15.
- Канаев Е., Курилко А. 2010. Юго-Восточная Азия в условиях мирового финансово-экономического кризиса. *Мировая экономика и международные отношения 2*: 38–46.
- Капра Ф. 2004. *Скрытые связи*. М.: София.
- Карсбол Д. 2010. У меня «медвежий» взгляд на Китай. *РБК. Итоговый выпуск 1*: 100–103.
- Кириченко Э. В., Марцинкевич В. И., Василевский Э. К., Западинская Л. И., Лебедева Е. А., Никольская Г. К., Перова М. К. 2008. Соединенные Штаты Америки. *Мировая экономика: Прогноз до 2020 года* / Ред. А. А. Дынкин, с. 185–230. М.: Магистр.
- Кобяков А. Б., Хазин М. Л. 2003. *Закат империи доллара и конец «Рак Americana»*. М.: Вече.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009. *Современные тенденции мирового развития*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010. *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.
- Кудрин А. 2009. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию. *Вопросы экономики 1*: 9–27.
- Кэлахан Д. 2005. Экономика финансов для простых людей. *Экономический цикл: анализ австрийской школы* / Ред. А. В. Куряев, с. 70–79. Челябинск: Социум.
- Лаврентьев С. 2008. Хедж-фонды теряют клиентов. *РБК daily*. 17 ноября. URL: <http://www.stockportal.ru/main/invest/world/articles/hf>
- Ломакин В. К. 2005. *Мировая экономика*. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Мазурова Е. К. 2000. Изменения в механизме наднационального регулирования международной кредитно-финансовой системы. *Роль государства в экономике: мировой опыт* / Ред. М. Н. Осьмова, с. 23–32. М.: Теис.
- Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010. К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 234–248. М.: ЛКИ/URSS.
- Маслинин В. 2009. *Размышления о финансовом кризисе*. URL: <http://mbpolyakov.livejournal.com/156530.html>
- Мельянцева В. А. 2009. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен*. М.: Ключ-С.
- Мир после кризиса. 2009. *Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США*. М.: Европа.
- Михайлов Д. М. 2000. *Мировой финансовый рынок. Тенденции и инструменты*. М.: Экзамен.
- Михеев В. В. 2008. Китай. Мировая экономика: прогноз до 2020. *Мировая экономика: Прогноз до 2020 года* / Ред. А. А. Дынкин, с. 303–329. М.: Магистр.
- Мовчан А. 2010. Золотая лихорадка. *Forbes* январь: 49.

- Мусихина Е. А. 2008.** Первичное размещение акций: конкуренция бирж Европы, Америки и «большого Китая». *Вестник Московского университета*. Серия 6. Экономика 5: 32–46.
- Мысли великих политиков 2009** / Ред. Е. В. Бельмис. СПб.: Паритет.
- Наумов И. 2008.** Пенсионным деньгам угрожают технические дефолты. *Независимая газета* 19 декабря. URL: http://www.ng.ru/economics/2008-12-19/4_pensia.html
- Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006.** *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI в.* Дубна: Феникс+.
- Платонова И. Н., Наговицин А. Г., Коротченя В. М. 2009.** *Перестройка мировой валютной системы и позиция России*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Подколзина И. 2009.** Какие факторы воздействуют на динамику нефтяного рынка? *Вопросы экономики* 2: 90–104.
- Рубцов Б. Б. 2000.** *Мировые финансовые рынки: современное состояние и закономерности развития*. М.: Финансовая академия.
- Рубцов Б. Б. 2006.** Эволюция институтов финансового рынка и развитие экономики. *Финансовые институты и экономическое развитие* / Ред. Д. В. Смыслов. М.: ИМЭМО РАН.
- Рубцов Б. Б. 2011.** Глобальные финансовые рынки. *Век глобализации* 2: 73–98.
- Смирнов В. А. 2008.** *Разработка управленческих решений*. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Сорос Дж. 1999.** *Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности*. М.: ИНФРА-М.
- Сурначева Е., Артемьев А. 2011.** *БРИКС избегает насилия*. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/04/13_a_3583621.shtml
- Суэтин А. 2009.** О причинах современного финансового кризиса. *Вопросы экономики* 1: 40–51.
- Тинберген Я. 1980.** *Пересмотр международного порядка*. М.: Прогресс.
- Туган-Барановский М. И. 2008 [1913].** *Периодические промышленные кризисы*. М.: Директмедиа Паблишинг.
- Туроу Л. 1999.** *Будущее капитализма*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010.** Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 11–188. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Хедж-фонды: кошмар нашего времени или нормальные инвесторы? 2007.** URL: http://www.stockportal.ru/main/invest/world/articles/hedge_funds
- Штефан Е. 2008.** *Пенсионные фонды США потеряли два триллиона долларов*. URL: <http://www.nr2.ru/economy/199830.html>
- Akaev A., Fomin A., Korotayev A. 2011.** The Second Wave of the Global Crisis? On Mathematical Analysis of Some Dynamic Series. *Structure & Dynamics* 5 (1): 19–29.
- Akaev A., Sadovnichii V., Korotayev A. 2011.** Explosive Rise in Gold and Oil Prices as a Precursor of a Global Financial and Economic Crisis. *Doklady Mathematics* 83 (2): 1–4.
- Antolin P. 2008.** *Pension Fund Performance*. OECD Working Papers on Insurance and Private Pensions No 20. Paris: OECD.
- Antolin P., Stewart F. 2009.** *Private Pensions and Policy Responses to the Financial and Economic Crisis*. OECD Working Paper on Insurance and Private Pensions No 36. Paris: OECD Publishing.
- Aoki T. 2002.** Aspects of Globalization in Contemporary Japan. *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. by P. L. Berger, S. P. Huntington, pp. 68–89. New York: Oxford University Press.
- Vacevich A. 2002.** *American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Bernstein A. 2002.** Globalization, Culture, and Development. Can South Africa be More Than an Offshoot of the West? *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. by P. L. Berger, S. P. Huntington, pp. 185–250. New York: Oxford University Press.
- Brzezinski Z. 1997.** *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.
- Cassard M. 1994.** *The Role of Offshore Centers in International Financial Intermediation*. IMF Working Paper 94/107. Washington, D.C.: IMF.
- Credit Default Swap** [n.d.] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Credit_default_swap.
- Evans-Pritchard A. 2011.** Will “Chindia” rule the world in 2050, or America after all? *The Telegraph* 28.02. URL: http://www.telegraph.co.uk/finance/comment/ambroseevans_pritchard/8350548/Will-Chindia-rule-the-world-in-2050-or-America-after-all.html
- Frank A. G. 1998.** *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Grinin L. E. 2008.** Globalization and Sovereignty: Why do States Abandon Their Sovereign Prerogatives? *Age of Globalization* 1: 22–32.
- Grinin L. E. 2009a.** Globalization and the Transformation of National Sovereignty. *Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield, pp. 47–53. Goodyear: ISCE Publishing.
- Grinin L. E. 2009b.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution & History* 8(1): 92–132.
- Grinin L. E. 2010.** Which Global Transformations Would the Global Crisis Lead to? *Age of Globalization* 2: 31–52.
- Grinin L. E. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. E. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010a.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations. Part 1. The Global Financial System: *Pros and Cons*. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 70–89.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010b.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? Part 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999.** *Global Transformations. Politics, Economics, and Culture*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Hinz R., Rudolph H. P., Antolín P., Yermo J. 2010.** *Evaluating the Financial Performance of Pension Funds*. Washington, D.C.: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.
- Jervis R. 2005.** *American Foreign Policy in a New Era*. New York: Routledge.
- Kagan R. 2003.** *Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order*. New York, NY: Knopf Publishers.
- Korotayev A., Malkov A., Khalitourina D. 2006.** *Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Kumar S. 2011a.** *Chinindia: More Challenges and More Opportunities*. URL: <http://www.afribiz.info/content/chinindia-more-challenges-and-more-opportunities>
- Kumar S. 2011b.** The CHINDIANS – Reshaping the future of the global economy. *Sonykumar's Blog* 22.04. URL: <http://sonykumar.com/2011/04/22/the-chindians-%E2%80%93-reshaping-the-future-of-the-global-economy>

- Mandelbaum M. 2005.** *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century.* New York: Public Affairs.
- National Intelligence Council. 2008.** *Global Trends 2025: A Transformed World.* Washington, D.C.: National Intelligence Council.
- Nye J. S. Jr. 2002.** *The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone.* New York: Oxford University Press.
- Ravindran M. 2010.** Global Pension Funds: Overview. *Markets in Motion* 1(32) October 25. URL: <http://www.ftkmc.com/newsletter/Vol1-32-oct25-2010.pdf>
- Renwick N. 2000.** *America's World Identity. The Politics of Exclusion.* Basingstoke: Macmillan Press.
- Schäfer U. 2009.** *Der Crash des Kapitalismus.* Frankfurt: Campus Verlag.
- Srinivas T. 2002.** A Tryst with Destiny. The Indian Case of Cultural Globalization. *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. by P. L. Berger, S. P. Huntington, pp. 89–117. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Talavera A. F. 2002.** Trends toward Globalization in Chile. *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. by P. L. Berger, S. P. Huntington, pp. 250–295. Oxford: Oxford University Press.
- The Economist 2008.** January 7.
- Tinbergen J. 1976.** *Reshaping the International Order: A Report to the Club of Rome.* New York: Dutton.
- UN Population Division 2012.** *Population Division Database.* United Nations. Department of Economic and Social Affairs. URL: <http://www.un.org/esa/population>
- Wikipedia.** *Chindia.* URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Chindia>
- Wilkinson D. 1999.** Unipolarity without Hegemony. *International Studies Review* 1(2): 141–172.
- Yan Yunxiang. 2002.** Managed Globalization. State Power and Cultural Transition in China. *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. by P. L. Berger, S. Huntington, pp. 19–47. Oxford: Oxford University Press.
- Zakaria F. 2009.** *The Post-American World.* New York: Norton.
- Zorome A. 2007.** *Concept of Offshore Financial Centers: In Search of an Operational Definition.* Washington, D.C.: IMF.